

ЦЕРВЕНТАРН

— АРТЕФАКТЫ ВЛАСТИ —

Ирма Хан

Цервентарн - артефакты власти -

«Литнет»

2024

Хан И.

Цервентарн - артефакты власти - / И. Хан — «Литнет», 2024

Представьте... Наши копии проживают тысячи жизней в параллельных мирах. Условная система координат бытия многомерна - не только во времени, но и в пространстве. Её грани блуждают в бесконечных зеркальных коридорах – отражаясь, искажаясь, сливаясь и рассыпаясь вновь. Представили? Зря. Подобные размышления так же опасны, как, к примеру, астральные путешествия. Душа может не вернуться. Но не это самое страшное. Она может встретить кого-то... не слишком дружелюбного. Того, кто, блуждая по мирам, жаждет лишь одного – мести.

© Хан И., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог.	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 6 продолжение	36
Глава 7	40
Глава 7 продолжение	43
Глава 7 продолжение	46
Глава 8	50
Глава 8 продолжение	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Пролог.

Маг, задрав голову, пристально всматривался в то, что творилось под каменными сводами.

Когда-то им посчастливилось найти этот заброшенный замок. Здесь наверняка жили драконы, которые просто... бросили этот мир. А может, вымерли. Кто знает? Высеченный в скале, дворец поражал своими размерами и находился далеко за пределами поселений. Идеальное место! Просторные залы. В подземельях полным-полно тайников, скрывающих ценные артефакты. Древние. Рабочие.

Мирт и Лоундера беспокоили его. Эти двое вечно торчали в библиотеках, пытаясь понять, что за драконы здесь жили. Какого вида? Были ли они правителями? Вымерли или сбежали? А если сбежали, то почему?

Наплевать. Слишком... сентиментально. Нет смысла задумываться о подобных вещах! А вот то, что парочка ведёт себя слишком отстраненно. Даже скрытно. Это, действительно, стоило внимания. Мало ли, на что можно наткнуться, копаясь в древних драконьих свитках? С другой стороны, за ними следят. Денно и ночью. Пристально.

Именно Мирт был рядом, когда Орден потерпел поражение. Факт.

Столько лет, и все впустую! Перерождения. Жизни. Миры. Жертвы. На что только они не шли, чтобы сохранить память! Пили кровь единорогов, жрали драконьи глаза, по нескольку лет запирались в склепах, хранящих покой усопших созданий - таких, что лучше и не произносить...

Всё ради силы, способной сотворить то, что не удавалось никому - ни магам, ни драконам, ни эльфам.

Они собирали её по капле, и каждая такая капля стоила того. Пять колец уже были у них в руках. Пять артефактов, вибрирующих первородной магией –голодной, не делающей различий между верхом и низом, светом и тьмой, готовой вобрать в себя разбросанные по мирам отражения собственной сути.

Всё рухнуло в одночасье.

Доказательств предательства они так и не нашли. Но кто-то же подменил этот перстень! Последний. Замыкающий. Лартомир. С тех пор он не может доверять никому, даже Совету Пяти Верховных, в который входит сам.

Мирт и Лоундера – лучшие поисковики. Они нашли Цервентарн и открыли Ордену чудо, раскинувшееся сейчас у него над головой...

В полутьме залы мерцала модель бесчисленного множества миров. У каждой вселенной - свой неповторимый оттенок. Последующие отражения - на полтона бледнее. Демоны! Он не эльф, чтобы разбираться в таких тонкостях! Однако допустить, чтобы обычные члены знали больше Верховных... Не в его правилах. Значит, придётся разобраться.

На миг показалось, будто в зале кто-то есть. Маг оглянулся. Никого. Вздыхнув, он вновь уткнулся в выплывший от времени свиток и забормотал:

- *«Ин трэстеба них. Дао мир хе дебе...»*- Дэбера? Да. Дэбера. Так: *«Ин трэстеба них дао мир хе дэбера истум. Мorte де грамм...»*- Грамм... А: *«Грамм то не...»*

- *«Ин трэстеба них. Дао мир хе дэбера истум. Мorte де граммa а атони нэст амэ ре геот!»*- чёткое, громкое заклинание нараспев послышалось за спиной Верховного.

Звуки красивого, сильного голоса эхом покатались во все стороны, соревнуясь друг с другом, торопясь достать до самых укромных уголков дворца.

- Мирт?

- Я, о Всесильный, - мужчина низко поклонился.

Верховный поморщился. Ему было неприятно осознавать, что Мирт стал невольным свидетелем его неудачной попытки освоить заклинание. Зато у самого Мирта получилось блестяще, он с легкостью активировал граммотон цервентара, и это было настолько величественно, настолько прекрасно, что глава Совета пяти тут же забыл обо всём!

Выучит он это заклинание... Не велика премудрость. Зато теперь в одной из полупрозрачных сфер, символизирующих миры, можно было разглядеть кольцо.

- Лартомир, - выдохнул Верховный. – Попался! На этот раз я тебя не упущу, - от лихорадочного, алчного блеска в глазах рвущегося к власти, стало не по себе.

- Всесильный, - Мирт снова поклонился, но уже не так низко – повторное приветствие должно быть иным, не то его обвинят в излишней подобострастности.

- Да?

- Вы просили найти ловца.

- Того, - Верховный согласно кивнул, - кому Лартомир пойдёт в руки. И что? Нашли?

- Да, Всесильный.

- Покажите мне его!

- Её, если позволите.

Мирт прошептал заклинание, и одна из сфер подлетела ближе. В ней, словно в старом от времени зеркале стали медленно проявляться женские черты.

- Что... Что она делает? Колдует? Ведьма?

- Нет. Она просто... танцует.

- Танцует? Вот значит, как. Какой странный мир. Тьма магии, но... Они же ей совершенно не пользуются! Маги, конечно, есть. Даже ведьмы есть! Но как-то это все... Странно. Что скажете, Мирт?

- Вы совершенно точно всё описали. Примерно так там и обстоят дела.

- Хорошо. Отправляйтесь сейчас же, у нас не так много времени, - Верховный махнул рукой, и картина перед глазами колдунов сменилась – звёзды в чёрном бархате сияли так ярко, что оба против воли залюбовались. На этот раз никакого артефакта – небо было настоящим. Один из пяти Верховных магов Ордена просто сделал потолок невидимым. Фокус, казалось бы, не сложный, тем не менее, Мирту Карамосу Рэю Верховный намеренно демонстрировал силу. Замок драконов выдолблен в скале, а значит, над ними – горы, и сделать всё это невидимым за мгновение способны единицы.

- Видите?

- Да, - Мирт кивнул, понимая, о чём говорит глава Совета – планеты вот-вот встанут на свои места, а это значит, им нужно торопиться.

- Вам нужен напарник?

- Да, Всесильный. Лоундера...

- Нет. Она нужна мне здесь. Я сам вам кого-нибудь назначу. Так будет лучше.

- Но...

- «Но»? Возражаете мне, Мирт?

- Я не смею, и Вы это знаете. И всё же... Мы вместе изучали этот мир, и если...

- Да что там изучать? Тьма простофиль, купающихся в силовых потоках! Они же... Не видят дальше собственного носа! В таком месте любое проклятье сработает, даже стараться не надо.

- Всё верно. Но нам не нужно проклятье. Нам нужно, чтобы ловец выполнил задачу. При всём... неистраченном магическом ресурсе, питающем этот удивительный мир, в нём не подействует даже простое подчиняющее зелье.

- Вот как? Вы уверены?

- Подавляющее число жителей не верят в магию. Не видят силы и не чувствуют потоков. Колдунов и ведьм мало. Не преследуемые законом, они... Даже они не верят до конца. Эти люди словно в коконе ментальной защиты. Их можно атаковать смертельным заклинанием – сила просто растворится. Растечется по линиям, обойдя стороной. Убедитесь сами.

Верховный недовольно нахмурился, но всё же послушно закрыл глаза, сделав глубокий вдох. Когда спустя десять минут маг очнулся, брови его слились воедино, а глубокие морщины исполосовали лоб.

- И как... Как вы с этим собираетесь бороться?

- Есть только один способ.

- Какой?

- Доверие.

- Вы издеваетесь, Мирт?

- Ни в коем случае, Всесильный. Если присмотреться, то можно увидеть кое-что интересное. Видите?

Сфера расширилась, лицо женщины исчезло, вместо него появились толпы спешащих куда-то людей. Сила текла, огибая каждого пульсирующими неоновыми линиями. Магия не причиняла вреда, но и не помогала. Лишь некоторые из огромной толпы взаимодействовали с ней.

Глава ордена внимательно всматривался в картины, что разворачивались перед глазами. Сколько миров он видел за последние десятки столетий, но такого... странного – никогда.

- Эти... Пробоины в плотной паутине, опутывающей жителей. Вы их имеете в виду, Мирт?

- В целом – да.

- И что это?

- Сила их веры.

- «Вечно скитался я по мирам неизведанным и вечно удивлялся», - пробормотал волшебник, цитируя древних. Если я правильно понимаю, Лоундера в курсе и вместе вы готовы ручаться за успех... Хорошо. Я отправлю вас вдвоём, но учтите, Мирт. Не хотелось бы напоминать, но именно вы тогда...

- Я уже держал ответ перед Советом, - в голосе Мирта слышалась обида. – Сколько ещё мне оправдываться, доказывая Ордену свою преданность?

- Столько, сколько потребуется, - отмахнулся Верховный. – Скажите, почему... Почему у меня не срабатывает это ваше заклинание? Не могу активировать грамматон.

Мирт несколько раз повторил заклинание, сделав правой рукой едва уловимый жест. Верховный повторил движение – сферы вновь замерцали в полутьме.

- В следующий раз, когда будете презентовать Совету новые открытия, Мирт, я попрошу вас быть внимательнее. Почему я узнаю об этом (маг раздражённо повторил выученный жест) только сейчас?

- Вы не спрашивали, Всесильный, - маг низко поклонился, отступив назад пару шагов.

- Что? Не спрашивал? Осторожно, Мирт. Вы зазнаётесь, и мне это не нравится.

- Я сделаю всё, чтобы оправдать доверие Совета, - маг ещё раз низко поклонился и ушёл.

Верховный остался один, мучаясь сомнениями, слушая, как медленно растворяется в пространстве эхо шагов Карамоса.

Глава 1

Александр Харитонов с удивлением смотрел на тело, лежащее на лестничной площадке между четвёртым и пятым этажом. ЕГО тело.

- Эй? Э-э-эй! Где ты, свет в конце тоннеля?

Собственного возмущённого крика он так и не услышал, зато вибрацию от голосов живых, волнами отскакивающую от стен подъезда, ощутил всем своим... Чем? Существом? Как вообще ему теперь себя называть?

От звуковых волн было приятно.

Факт.

Егор и Володя поднимались по лестнице, споря, что лучше купить – шампанское или водку.

- И то, и другое! – Крикнул Харитонов, но опять не услышал себя.

- А я говорю... Сашка!

- Твою ж... Что с ним? Голова цела?

- Крови нет. Скорую. Быстро!

Пока один склонился над телом, другой уже набирал номер на мобильном. Друзья нервничали, а Александр наблюдал, зависнув аккуратно над макушками своих сослуживцев. Володька-то, оказывается, совсем лысый. Раньше он этого не замечал.

«Парни, давайте. Не подведите. Надоело мне тут висеть...».

Хотелось поэкспериментировать на счёт того, может ли он перемещаться в пространстве, но момент был слишком напряжённым. Отвлекаться не хотелось.

Офицеры МЧС. Они всё делали быстро. Они всё делали правильно. Но чем дальше, тем равнодушнее становилось у Харитонova на душе. Стоп. Душа-то без тела. А значит, так сказать уже нельзя. Наверное.

«Простите, ребята. Не в этот раз».

Дверь одной из квартир открылась. Дама лет пятидесяти выглянула на площадку.

- Что это с ним?

- Плохо стало, - сказал Володя.

- Может, «скорую»?

- Вызвали. Едет.

- Это всё из-за жары! – уверенно сказала женщина.

Внизу хлопнула дверь, послышались торопливые шаги, и вскоре на площадке стало тесно.

- Пустите! – Молодой врач мгновенно оказался возле пострадавшего. Осмотрел зрачки.

- Сколько он был без сознания?

- Господи... Живой? – Соседка вытягивала шею, но ближе подойти не решалась.

- Женщина, идите к себе, – посоветовал врач и, посмотрев на Егора, повторил вопрос. – Так сколько? Пять минут? Десять? Двадцать?

- Мы стояли, - Егор начал перечислять события, пытаясь сосредоточиться, но от неожиданности мысли путались. - Около машины. Курили. Сашка пошёл за вещами. Докурили. Поднимаемся по лестнице, а он ... Минут десять. Не больше.

- Вы - медик? Помощь оказывали профессионально.

- МЧС. Служим вместе.

- Служили, – вздохнул врач. – Я вызову полицию. Время смерти приблизительно...

- Как смерти? – появившись вновь, заголосила соседка, – О, господи! Боже мой, боже мой...

На крики из недр квартиры выплыл полный мужчина в майке и семейных трусах.

- Что за шум, а драки нет? Люся?

- Лёня! Труп, - ткнула несчастная пальцем в сторону тела.

- Ух, ты!

- Ничего не «ух ты», - буркнул доктор про себя, а вслух сказал громко и строго. - Идите к себе! Вас вызовут, если потребуется.

- Пошли, - Лёню два раза просить не пришлось. – Не то по ментовкам затаскают.

Володя и Егор курили, пытаясь осознать, что произошло. Дым струился, искрясь голубыми всполохами, но никто так ничего и не заметил. Как ослепли оба! Наверное, им грустно с ним расставаться. Ему, конечно, тоже, но с другой стороны – когда бы ещё они такое увидели - светящийся дым, льющийся, сквозь пять минут, как отлетевшую душу Сашки Харитонов!

«А может, это потому... Потому что они – живые?».

Володя затушил сигарету. Вынул телефон. Вдохнул, поджал губы и решительно набрал чей-то номер.

- Аня? Да, я. Привет. Ань, тут такое дело... Не волнуйся только. Сядь, если стоишь...

«Аня».

Воздух гудел. Александр вращался, мечась из стороны в сторону, просачиваясь сквозь стены в чужие квартиры, вылетая в окна и залетая вновь. Фактически он не мог даже дотронуться до чего-либо, но ему самому казалось, что стёкла со звоном разлетаются вдребезги, стены рассыпаются в пыль, а сам он изрезан, избит, и даже чувствует вкус крови...

Володя только что сообщил бывшей жене о его смерти. Наверное, это ужасно, узнавать такие новости. И только он об этом подумал - неведомая сила подхватила и понесла – над улицами, проспектами, крышами домов...

- Эге-г-е-г-е-й!

Ощущение полёта вызвало восторг, он даже забыл, что умер. «Странно, что кроме меня тут никого нет», - подумал подполковник МЧС. – «Не один же я сегодня умер!».

Он так никого и не увидел, хотя очень старался. Когда показался дом Анны, приготовился к спуску, раздумывая, как лучше оказаться в квартире – пролететь сквозь стену или спикировать в форточку (если, конечно, повезёт и она окажется открытой), но в этот самый момент его против всяких ожиданий понесло вверх!

Страх не было. Самое страшное уже случилось. Смерть нельзя исправить.

Гул стих. Он оказался в помещении, напоминающем приёмный покой больницы (что-то, а подобных мест Харитонов за свою не слишком долгую жизнь успел повидать немало).

Пусто. Кафель. Стойка регистрации.

- Эй? Есть кто?

Дверь в глубине холла распахнулась, и из неё показался молодой человек в зелёном медицинском костюме.

- Извините, - помахал парень увесистой папкой. - Отлучился на пару минут, искал ваше дело.

- Моё... дело? Это где грехи записаны?

Молодой человек внимательно посмотрел на подполковника. Таких синих глаз Харитонов никогда в своей жизни не видел. Он даже поймал себя на мысли, что пытается заглянуть «медбрату» за спину, в поисках... крыльев. Огромных таких. Белоснежных.

- Вы ещё крылья у меня поищите, - засмеялись синие глаза. – Грехи. Скажете тоже...

- А что тогда?

- Помолчите, Александр... Александр... А! Вот. Александр Харитонов. Подполковник... Так... Это понятно... Это тоже понятно, - он спешно перелистывал бумаги, будто что-то искал. – Разведён. Два года назад был инфаркт. Всё верно?

- Да. А...

- Что? Где коридор?
- Значит, есть всё-таки!
- Пойдёмте.
- Куда?
- К свету! – Закатил глаза «ангел», развернулся, открыл дверь и зашагал мягкими резиновыми слайсами по отмытому полу длинного коридора.

- *Ваше Святейшество! Мы поймали её! Ведьму!*
Скованную цепями женищину тащили двое.

Инквизитор испытывал необъяснимую, брезгливую неприязнь к этим двоим. Он хотел взять своих людей, но ему по непонятной причине было отказано. Хотя почему «по непонятной»? Всё более чем очевидно. Каждого нового ставленника лишали всех, кому тот мог доверять. На всякий случай. Доверять следовало лишь распоряжениям Святого Престола. И только.

Звон цепей, шаркающие шаги. Пыхтение, возня... Звуки падали в пустоту подземелья, эхом отражаясь от каменных стен. Он намеренно не смотрел на женищину - успеется. Спустя пару минут вошёл ещё один, прижимая к груди замотанный в холстину свёрток – ветошь пропиталась кровью.

- *Что это?* – спросил инквизитор, рассматривая предметы пыток в тусклом свете факелов.

Щипцы. Иглы. Всё то, что могло развязать язык любому, попавшему в лапы охотников на ведьм. Он мысленно досчитал до десяти. Пора на неё взглянуть. Одежда в крови и пыли, медные волосы падают на лицо. Рот заткнут куском, оторванном от юбки. Его Святейшество вопросительно посмотрел на одного из слуг.

- *Пыталась заговором вызвать бурю, чтобы избежать пленения,* – подобострастно зашептал тот. – *Махала руками, скакала на левой ноге и бубнила что-то себе под нос. На Ханса, - кивнул стражник на мужчину, стоявшего позади ведьмы, - напала икота, Йохан убежал в кусты, держась за живот, а меня... Меня она... укусила!* - Леон показал перевязанную руку, став похожим на несчастного брошенного щенка.

- *Она точно призывала дьявола?*

- *А то, как же, Ваше святейшество! Скакала на левой ноге. Вращалась вокруг себя, - медленно повторил Леон, сверля глазами недавно прибывшее в их городок высокое начальство. - Признак призыва нечистого. Но есть доказательство и поверней... Покажи!*

Мужчина, что держал свёрток (Клаус, кажется), шагнул вперёд и развернул ткань.

- *Всевышний, - выдохнул, побледнев, инквизитор. – Развяжите её.*

- *Сейчас, сейчас...* - Леон осторожно потянулся к кляпу здоровой рукой, опасаясь очередного укуса.

«Бойтся её, словно бешеную собаку» - подумал Его Святейшество. – «Хотя... так оно и есть», - он вспомнил то, что только что увидел, истово молясь Всевышнему за всех невинных.

- *Врут, – прохрипела, восстанавливая дыхание, женищина. – Они... сами младенца убили. Фрукты. Цветы. Вот и всё жертвоприношение. Стихиям большего не надо. Я пела песню ветрам и угощала лесных духов. Не веришь? Отправь гонцов, пусть посмотрят. Вокруг алтаря до сих пор валяются грозди винограда. Эти, - женищина посмотрела на своих мучителей почти с тем же отвращением, что недавно сам инквизитор, - даже не догадались убрать.*

- *Молчи, тварь!* – Леон, расвирепев, принялся бить ведьму ногами.

- *Оговор слуг Святой Инквизиции, - красивое лицо Его Святейшества было совершенно безжизненным. – В темницу её.*

- Зброшенная мельница возле реки. За семью холмами, – сплюнув кровь, ведьма подняла голову и посмотрела инквизитору в глаза. – Проверь. Разве твой бог не учит справедливости?

Ему показалось, ещё немного, и зелёное пламя горящих глаз спалит подземелье. Он видел много женщин, которых называли ведьмами. Целых пять раз ему удалось доказать их невиновность и спасти от сожжения. Его переназначение в эту глушь – следствие подобного рвения. Он это понимал, но каждый раз был совершенно уверен в своей правоте. Он всё проверял сам. Лично.

- Ты прав, - ведьма склонила голову, сверля глазами душу. – Кого бы ты ни отправил – соврут. Проверь сам.

- На дыбу её, Ваше Святейшество! – взвизнул Ханс, прервав мысли инквизитора и даже заставив вздрогнуть – хорошо, этого никто не заметил. – Она точно зло замышляла! Может даже... против короля.

- Увести, – приказал инквизитор, ужаснувшись тому, что эта женщина так легко прочитала его мысли.

Страх. Страх движет людьми. Одно неловкое слово, один ничем не оправданный донос, и тебя вздёргнут на виселице. Одним Хансом, Леоном, Йоханом, Клаусом больше, одним – меньше, какая разница? Его самого бросят в темницу, поддайся он дьявольским чарам.

Впервые он чувствует что-то... Необъяснимое. Силу. И потом, она вовсе не пытается опровергнуть тот факт, что колдовала. Лишь утверждает, что не приносила в жертву младенца.

- А признание, Ваше Святейшество? Она должна признаться в своих преступлениях! – напомнил Леон, предвкушая пытки.

- Признаться и покаяться! – поддержал Йохан.

- Я сказал, уведите! – Инквизитор повысил голос, сжав руки в красных перчатках.

Зброшенная мельница. За долиной семи холмов. Он отправится туда ночью. Совет Великих подобное рвение вряд ли одобрит – убийство младенца не останется незамеченным, о нём наверняка уже доложили. Но дело не только в этом. Он должен успеть первым. До того, как заметут следы.

Глава 2

- Аня! Ты не представляешь, как я рад! Рад безумно. Бесконечно рад, что ты всё-таки согласилась!

Антон Привалов, художественный руководитель экспериментального пластического театра «Коридор» был искренне счастлив, ибо заполнить Левоцкую - настоящая удача.

Недостатка в предложениях у успешного хореографа не было, и тот факт, что когда-то они учились в одном классе, мог и не сработать. Аню он знал хорошо. Таких, как она, славой не прельстишь, за деньги не купишь. Левоцкая соглашалась лишь на те проекты, что были ей по душе. Могла себе позволить. Редко работала со взрослыми профессиональными труппами, предпочитая детей.

Он прекрасно её понимал. Театр – что? Интриги. Зависть. Сплетни. Оставалось надеяться, что Анне понравится сценарий Кармина. И надо ж такому случиться – сработало!

- Привет, - Аня окинула взглядом сцену и улыбнулась. – Согласиться-то я согласилась, конечно...

- Но?

- Меня смущает, что спектакль уже, в общем-то, поставлен. И тут появляюсь я. Зачем?

- Да кто ставил-то, Ань, кто ставил? Ваш покорный слуга, бездарность и посредственность.

- Лесть тебе, Антоша, и не идёт, и не поможет.

- Мне – нет, а постановке – да. Нужен свежий взгляд. Чего-то не хватает. Хотя бы посмотри.

- Ладно. Уговорил. Я готова. Кстати, вот. Спасибо, - она достала из сумки распечатанную пьесу, и Привалов с удовольствием отметил, что листы изрядно измяты – значит, вправду читала.

Анна уже протянула было рукопись, но неожиданно замялась.

- Что? – Антон поймал её взгляд.

- Да нет, всё в порядке, я просто подумала, раз уж я всё равно согласилась, мне понадобится свой экземпляр. Без текста я...

- О чём речь, Ань? Конечно, оставь у себя, я ещё распечатаю. Ну? Хорошее дело начинается с чего?

- С чего оно начинается?

- С кофе! А кофе у меня отличный, так что пойдём. Пойдём-пойдём...

Привалов суетился, изображая радушного хозяина. Усадил свою гостью на диван, запрокинул капсульную кофеварку. По мере того, как кабинет худрука наполнялся умопомрачительным ароматом, сомнения Ани сдавали позиции. Возможно, влиться в постановку – не такая уж плохая идея, тем более что сюжет действительно интересный. Смутные времена инквизиции. Ведьмы. Готика...

- «Инквизитор» - рабочее название? – Левоцкая с благодарностью приняла чашку из рук бывшего одноклассника.

- Да, но... Осторожно, горячо. Думаю, оставить как есть. По большому счёту главная героиня – ведьма, но как название «Ведьма» ... Не знаю. Слишком банально.

Аня кивнула и потянулась за печеньем.

- Что именно тебя смущает в постановке?

- Костёр. С огнём мы понятное дело играть не будем. Остаётся ткань.

- Логично. Танцовщицы с полотнами.

- Да. Но всё как-то... Прimitивно всё. Не то! Сожжение ведьмы! Это кульминация, понимаешь? Должно быть очень зрелищно. Так, чтобы эту сцену ждали. Фишка! То, ради чего зритель захотел бы посмотреть спектакль ещё раз. Вот ты. Что бы ты сделала?

Аня задумалась. Антон не торопил, делая вид, что разбирает бумаги. Эта сцена мучила его, не отпуская ни на минуту. Леоцкая – последняя надежда.

- Ведьма, - Анна наконец заговорила. – По сюжету она исчезает. Так?

- Да, чёрт бы побрал этого Кармина, выдумщика... Она читает заклинание, раскат грома, выключается свет, и она исчезает. Прямо во время сожжения. Но именно этот момент... Не идёт. Что-то не то.

- То есть выключается свет. Раскат грома. И актриса прячется?

- Ну, а как ещё?

- Не знаю. Давай думать. Зритель смотрит в центр. Выключается свет, включается снова, и что он видит? Пустоту. С ним перестают взаимодействовать. Эффект исчезновения ведьмы отыгрывает инквизитор, а зритель смотрит на костёр. Он в самый кульминационный момент не смотрит на инквизитора, потому что его внимание на него никто не переключил. Понимаешь?

- Понимаю. Ты права. И? Есть предложения?

- Есть. Смотри. Если мы откажемся от идеи имитации пламени с помощью полотён? Пламенем будут сами танцовщицы. Руки. Изгибы тела. Появятся они внезапно – толпа поведёт ведьму к костру, и часть труппы скинет накидки с капюшонами, превратившись в костёр. Второй вариант – скроем лёгкой чёрной тканью сгруппированных вокруг столба танцовщиц, и палач её сдернет – зажжёт костер.

- Отлично. Но...

- Подожди! – Аня поставила чашку на стол, вскочила с дивана. - Дослушай до конца. Ведьма - исчезает. Пламя – остаётся. Девушки в красном на месте ведьмы смеются в лицо инквизитору. Огонь заодно с ведьмой. Ведьмы ведь просили защиты у стихий?

- Анька...

- Что?

- Как что? Ты – гений, вот что!

- Не булькает, - усмехнулась Леоцкая. – Пойдём. Познакомишь меня с труппой.

Ей давно не было так хорошо. Творческий азарт. Молодые профессиональные ребята. Четыре часа пролетели... Как один миг! Идеи копошились в голове, и места им было мало.

А может, дело не только в том, что ей понравилась пьеса? Может, дело в том, что у них с Харитоновым вновь начинается что-то... Что-то очень хорошее. Столько лет прошло. Целая жизнь. Ей недавно исполнилось пятьдесят, а она счастлива, как девчонка. Странно, что он до сих пор не позвонил.

- Перерыв, - объявила Леоцкая, услышав звонок мобильного, – отдохните пока! Ало? Володя? Что...

Телефон упал, но звука она не услышала. Звуки, они... Куда-то исчезли. Удивленные, испуганные лица танцовщиков. Она не может сдержать слёз.

- Аня! – Привалов обнял её за плечи. – Что? Господи... Да что случилось-то?

- Саша. Саша умер...

Она закрыла рот руками, не веря в то, что произнесла эти слова.

Они развелись больше двадцати лет назад. Её сына от первого брака Саша считал своим - водил в спортивный кружок, брал на выходные. Лыжи - зимой, рыбалка – летом.

- Господи, Костик! Как я сыну скажу?

- Аня? Аня! Посмотри на меня. Вот, выпей воды. Кто умер? Какой Саша?

- Харитонов.

- Господи прости. Да вы ж развелись давно!

В ответ Аня разрыдалась, и Привалов понял, что друг он, в общем-то, так себе. За помощью-то он к ней обратился, а просто поболтать за жизнь времени так и не нашёл.

- Он... Он собирался сегодня вечером заехать... Отметить...

- Что отметить? Аня? Аня, говори со мной, слышишь? Что вы собирались отмечать?

Сейчас было не важно, что она скажет, только бы не молчала.

- Новоселье. Он в новую квартиру переезжал. Вода есть?

- Воды! Воды принесите! – Крикнул Антон труппе.

Она сделала несколько жадных глотков, поперхнулась, закашлялась и слёзы хлынули с новой силой.

- На сегодня репетиция окончена!

- Что случилось? – инквизитор Гена Ковалёв, ведьма Розочка Вавилова и остальные артисты застыли в нерешительности.

- У Анны Кирилловны... умер близкий родственник. Завтра репетируем отработанные сцены, а через... Через сколько дней, Аня?

- Через три. Три дня, и я буду готова.

- Точно хватит трёх дней? Ань, если надо...

- Справлюсь.

- Анна Кирилловна, давайте я вас домой отвезу? Я на машине, – предложил Ковалёв.

- Я сама на машине.

- Отвезёшь, - распорядился Привалов. – Машину потом подгоним, я решу вопрос, но за руль тебе сейчас нельзя.

- Спасибо.

...

Войдя в подъезд, Анна решила, что поднимется на четвертый этаж сама. Без лифта. Если двигаться, боль немного отпускает. Всё, чего ей хотелось – запереться в квартире, свернувшись калачиком на диване и плакать, плакать, плакать...

- Анютка? Привет!

Даша, соседка, открывала дверь своей квартиры. Увидев Аню, развернулась, и, пнув пакет из «Пятёрочки», подошла ближе. Близкими подругами они не были, но могли забежать друг к дружке на чай. Аня вымученно улыбнулась.

- Привет, Даш.

- Ты не представляешь, как мне повезло, – Даша, забыв про открытую настежь дверь своей квартиры, спешила поделиться радостной новостью. – Я лечу в Таиланд! И ты ни за что не угадаешь, зачем?!

- Зачем?

- Петельников! Он потрясающий. Я же тебе рассказывала? По-моему, рассказывала...

- Я... Я не помню, правда.

- Техники по оздоровительной медитации. Даже рак излечивает, представляешь!? А ещё... Ань? Ань, с тобой всё... Всё хорошо? - Даша осеклась, заметив, как Анна дрожащими руками пытается попасть ключом в замочную скважину. – Дай сюда, - девушка выхватила ключи из рук соседки, открыла дверь. – Проходи к себе, только не закрывай. Слышишь? Я сейчас!

Аня прошла к себе. Бросила сумку, прошла на кухню и, не сняв обувь, опустилась на стул. Дашка принеслась и стала суетиться, что-то бормоча себе под нос.

- Дашка...

- Тридцать лет как Дашка. Давай!

Не успела Анна опомниться – подруга уже обеспечила «инъекцию счастья»: тепло алкоголя разлилось по телу.

- Саша умер.
- Это твой... Твой бывший? Отец Костика?
- Не отец, но... В общем, он его вырастил. И теперь... Теперь надо сообщить сыну.
- А сама как узнала? От кого?
- Друг Харитонов позвонил. Во время репетиции...
- Ты это... Ешь давай, - Дашка пододвинула тарелку с бутербродами. – А то опьянеешь.
- А я бы с удовольствием опьянела...
- Тогда не ешь, - не стала спорить соседка.
- Столько всего хорошего было, - грустно сказала Анна, вцепившись в бокал. – Жили дружно.

- Если дружно, почему развелись?

- Ревность... Глупая, никчёмная ревность.

- Расскажешь?

- Потом как-нибудь... Не хочу вспоминать плохое. Особенно сейчас.

- Правильно. Как говорится, о мёртвых – либо хорошо, либо никак. Пусть земля ему будет пухом. Не чокаясь.

- Даш, спасибо. Спасибо тебе. Прости, я... Я что-то совсем расклеилась. Ничего не соображаю. Ты что-то говорила вроде... поездка... практики...

Даша кивнула. Чёрные кудряшки упали на лоб. Аня улыбнулась про себя. И как только удастся этой женщине, волею судеб, проживающей с ней на одной лестничной площадке, собирать вокруг себя столько позитивной, светлой энергии? Кругленькая, с полными губками, запытая в бесчисленных браслетах и фенечках. На неё посмотришь – уже теплее на душе. Хорошо, что они живут рядом.

- То есть ты даёшь добро на нести чушь, отвлекая от грустных мыслей?
- Даю.
- Представь, что наш мир – некая компьютерная сестра, созданная высшим разумом.
- А ты не шутила, предлагая, - Аня кивнула на молчаливое предложение налить ещё. -

Как в «Матрице» что ли?

- Примерно. Смерти нет, есть уровни, как в играх.
- И как они выглядят?
- Длинный коридор с бесчисленными рядами дверей по обе стороны. За каждой – одна из версий твоей жизни. В одной из них вы с Харитоновым могли бы быть счастливы.

- «Но в мире новом друг друга они не узнали», – вздохнула Аня.

- Это кто?

- Лермонтов. Ну, допустим, есть такой параллельный мир, и что с того? Счастливой хочется быть здесь и сейчас. У нас был шанс. Мы хотели сойтись. Возможно, спустя годы мы бы...

- «Хочешь быть счастливым – будь им», - Дашка подняла вверх указательный палец. - Козьма Прутков - мудрее только Карлсон. Боль от утраты пройдёт, Ань.

- Конечно, пройдёт. Всё проходит и это пройдёт.
- Мысли формируют сознание. Где-то есть мужчина, с которым ты будешь счастлива.
- Даша... Мне – пятьдесят!
- Вот именно! Терять нечего. Согласна?
- С этим? На все сто.
- Тогда... займёмся одной занятой практикой.
- Дашка, давай не сейчас. Мы выпили...

- Ой, да сколько мы выпили? Детский сад. Тебе всё равно надо отвлечься. Максимум что может произойти – ничего не получится.

- Ты ж всё равно не отстанешь?

- Зачем задаёшь вопрос, на который знаешь ответ?

- Так я и думала. Ладно. Делай, что хочешь, только не буди.

Левощкая прошла в комнату, закуталась в шаль, что лежала на диване и прилегла, под-сунув под голову думку.

- Психология и эзотерика – звенья одной цепи. Познавая незримый мир, человек познаёт самоё себя и ему проще разобраться в жизненных ситуациях, - Дашка всё говорила, и чем дальше, тем больше Аня чувствовала, что её куда-то засасывает.

- Думаешь, у меня получится?

- У тебя уже получается. Расслабься. Расслабься и ни о чём не думай. Я сбегая домой, возьму кое-что.

Аня слышала, как хлопнула входная дверь, звякнули ключи в подъезде с гулким эхом. Наверное, она и правда заснула на какое-то время, потому что, открыв глаза, не узнала собственной квартиры - свечи, запах сандала, мерный стук шаманского бубна.

- Ого... Не слишком?

- В самый раз. Держи.

- Что это? – рука коснулась прохладного металла.

- Колокольчик. Если что – звони.

- А... что может случиться?

- Пока не знаю. Закрой глаза и дыши – вдох-выдох, вдо-о-ох – вы-ы-ыдох. Представь коридор. Он такой длинный, что ты не видишь, где он заканчивается. Посмотри по сторонам. Видишь двери?

Глава 3

Бубен набирал силу, голос Даши заполнял сознание. Аня почувствовала мягкий толчок и открыла глаза. Ноги тонут в густой молочно-белой дымке, над головой – бесконечность, а прямо перед ней... перед ней и правда был коридор, который... словно висел в космосе. Странно. Странно и неудобно. Ей захотелось обратно. В свою комнату, которую Дашка за пару мгновений превратила в магический салон. Она её выгонит, и...

...

- Аня...

- Харитонов! Это...ты?

- Я. Ничего не бойся. И вернись, слышишь? Обязательно вернись!

Дверь справа бесшумно распахнулась...

...

- Левоцкая, сколько тебя можно ждать!?

Оглядываясь, Аня поняла, что шагнула прямиком в родительскую квартиру, где они с мужем жили после свадьбы. Харитонов, шатаясь, вышел из кухни с бутылкой пива в руках.

– Муж голодный, а жена неизвестно где болтается?

- Я к Марии Михайловне заходила, – раздражённо ответила Аня, против воли включившись в новую реальность.

Она как бы была собой и одновременно наблюдала за всем происходящим со стороны. Странное ощущение. Голос Харитонova никак не шёл из головы. Не этот, а тот... другой.

Жалобно мяукая, из кухни вышли три кошки и принялись тереться о ноги.

– Ты их что, не покормил?

Она поставила сумку на тумбу и стала разуваться. Саша стоял, прислонившись плечом к стене.

- Меня ты тоже не покормила. Я же молчу.

- Мария Михайловна больной человек. Инвалид. На улице льёт как из ведра весь день, ей даже в магазин не выйти.

- Беда, – Саша сделал глоток из бутылки.

- Может, пальто поможешь снять? – Аня посмотрела на мужа.

- Руки заняты, – буркнул тот и ушёл на кухню.

Аня повесила пальто на вешалку.

- Ну, что, котики? Будем пировать?

Насыпав кошкам корм, принялась разбирать грязную посуду, оставленную на столе.

- Хоть бы в мойку поставил, – ворчала она про себя. – Как можно сидеть в такой грязи?

- А как можно котов кормить вперёд мужа? – Саша уже открывал очередную бутылку пива.

- Харитонов... Тебе уже хватит.

- Жалко? – икнул он ей в ухо, дыша пивным перегаром. - Даже не поцеловала меня, когда пришла.

- Прекрати! - Аня вывернулась из его рук, чувствуя, как внутри поднимается раздражение.

- О! – поднял Харитонов указательный палец. – Не хотим целоваться, значит... А, может, не у Марии Михайловны была, а? Ань? Может, к какому-нибудь Михаилу по пути завернула? Молчишь? Есть, что скрывать? Есть... Есть, раз... молчишь...

- Ты пьян, Харитонов. – Аня открыла холодильник. - Сейчас ужин подогрею.

- От ответа не уходи, - не унимался Саша. – Вспомнила она про ужин!

- Самому-то не смешно?

- Смешно? Смешно?!

Он резко развернул её к себе, до боли сжав плечи.

- Оставь меня!

Она подняла руку, пытаясь защититься, и только сейчас заметила, что всё это время сжимала в кулаке колокольчик. Звон смешался с гулом в голове, она зажала обеими руками уши, почувствовав холод от металла на щеке...

- Левоцкая, просыпаемся! На счёт три!

- Даш... Не ори, а?

- Прости. Я испугалась. Ты так тут трезвонила...

- Я? – Аня разжала руку и уставилась на колокольчик. – Есть хочу.

- Пойдем на кухню, чай поставим. Бутерброды есть.

Анна грела руки о чашку и молчала, бессовестно пользуясь тем, что Дашка терпеливо молчит. Ещё чуть-чуть и не выдержит подруга – начнёт расспрашивать. Имеет право, но... Но минут пять у неё ещё есть. Она стала вспоминать.

Это было... Давно. Двадцать два года тому назад. Целая жизнь, если задуматься. Двадцать пятую весну Александра Харитонов праздновали с размахом – друзья, ночной клуб. Муж тогда выпил, приревновал к какому-то парню, что пригласил её танцевать и... ударил.

Как гром среди ясного неба! Она выскочила на улицу в одном платье. Слёзы катились по пульсирующей щеке, руки тряслись. Петя Наумов предложил поехать к нему, и она согласилась. Не потому, что хотела отомстить, сделать больно или кому-то что-то доказать – нет. Просто... Ей было всё равно, куда и зачем ехать. Она уже тогда понимала, что не простит и не вернётся.

А потом... Потом уж совсем глупо получилось. Поднялась температура. Петя нашёл какие-то таблетки, уложил на диван, накрыл пледом. В трёхкомнатную квартиру, которую Наумов снимал вместе с друзьями, пьяный Харитонов и бригада скорой помощи ворвались почти одновременно. И всё же именинник успел первым. Не только войти, но и с Петькой подраться. Врач оказался человеком суровым и принципиальным, так что день рождения завершился эпически. Для неё – в больнице, для Харитонova с Наумовым – в обезьяннике.

Петя очень переживал. Он чувствовал себя виноватым – и потому, что привёз жену друга к себе, не сообразив, что именно тот подумает, узнав, куда поехала Левоцкая. И потому, что в клубе стал расспрашивать про Анины гастроли с танцами за границей, восхищаться тем, как она двигается, вот Харитонов и рассвирепел...

- Ань? – Дашка, доедая второй бутерброд, наконец не выдержала.

- А? Что?

- Я всё понимаю, но терпеть больше не могу!

- Да... Прости, я что-то... задумалась. Боюсь, я в какой-то неправильный параллельный мир там попала.

- Жужжали неправильные пчёлы?

- Совершенно неправильные, - кивнула Анна и выложила всё, что привиделось, умолчав лишь о том, что слышала Сашин голос до того, как открыла ту дверь. Это захотелось оставить себе и ни с кем не делить.

- Ясно, - уверенно кивнула Дашка, тряхнув кудряшками. - Показали одно из возможных развитий твоей семейной жизни.

- Хочешь сказать, если бы я его тогда простила...

- Что бы ни пряталось в глубине нашего подсознания, оно имеет место быть и заставляет задуматься. Часто кажется, что мы могли бы поступить в своей жизни иначе. В мечтах мы

непрерывно рисуем идеальную картинку развития событий исходя из собственных заветных желаний.

- Да. Это так.

- А ведь мы не знаем, как бы всё сложилось на самом деле. Возможно, «несчастья» в нашей жизни спасают нас от гораздо более трагичных ситуаций.

- В последнее время мы с Сашей... Вспоминали прошлое, сожалели о потерянных годах. Скажи, а этот... коридор. Двери. Что это?

- Путешествия подтверждают теорию квантовой телепортации.

- Что?! – Аня едва бутербродом не подавилась, уж чего-чего, а квантовой физики от Дашки она точно не ожидала.

- Про мост Эйнштейна-Розена слышала что-нибудь?

Аня отрицательно покачала головой.

- Мост между Вселенными. А чем параллельный мир не Вселенная? Если проще, то горизонт событий представляет собой соединение между областями пространства и предполагается, что пространство-время не имеет никаких «краёв». Это ещё называют непроходимой червоточиной Лоренца... Ну, что ты на меня так смотришь?

- Да ничего. Всё ясно, как день, Даш – мост Эйнштейна, под ним – Лоренц со своей червоточиной, и всё это висит в параллельной вселенной, никому не мешает.

- Если проще, то... Квантовое состояние передаётся на расстоянии. То есть состояние в точке отправления разрушается, а в точке приёма воссоздаётся.

- А, ну... Теперь всё в порядке! А я уж испугалась...

- «Что делает белая девочка ночью в обществе монстров с учебником квантовой физики под мышкой?»

- Какая девочка?

- Это[D1] из фильма «Люди в чёрном». Неужели не смотрела?

- Нет, но я исправлюсь. Обещаю.

- Магия с научной точки зрения - не что иное, как квантовая физика.

- А после смерти? Мы попадаем в этот коридор?

- К сожалению, когда я об этом узнаю, уже никому не расскажу.

- Это да. Саша знает...

...

Он шёл, едва поспевая за «ангелом-медбратом» - так он окрестил про себя юношу с синими глазами и увесистой папкой под мышкой, где всё-всё про него, Александра Харитонов, написано подробно и без обиняков.

- Куда мы идём?

Молодой человек резко остановился и посмотрел на своего подопечного – скорее грустно, чем осуждающе.

- Не, ну спросить-то можно? - замялся Харитонов, оправдываясь. – Вам хорошо. Вы тут... Не знаю, что делаете, правда...

- Работаю.

- О как. Стало быть, и на том свете покой нам только снится?

- Покой... Странные вы там. Люди на земле. Жаждете покоя, но с благодарностью вспоминаете лишь те моменты, когда вы его не знали. У вас, Харитонов, неплохое дело, кстати, - он снова уткнулся в папку. – Я бы даже сказал, отличное. Редко кому, попадая сюда, удается сохранить привилегии, доступные лишь живущим. Тем, кому отпущен срок на отработку.

- Отработку кармы?

- Ну, - парень задумался. – Пусть... Пусть будет так. Вам понятней.

- И что это за привилегии?
- Например, право выбора.
- То есть я могу выбирать...

- Может, дождётесь, когда мы придём на место, и я всё объясню? – он отодвинул перчатку и посмотрел на часы. – Опаздываем.

Харитонов пожал плечами и послушно засеменил следом. Вопросов с каждым словом молодого человека (с ангельским терпением, как бы комично это ни звучало в данной ситуации) становилось всё больше. Они опаздывают. Значит, и тут есть время? Но... Как же так? Правда, часы у этого типа странные – просто диск. Небесно-голубым светится и... всё. Никаких опознавательных знаков. Связь с... богом? Интересно получается...

- Мы пришли, - белые раздвижные двери бесшумно разошлись в разные стороны и Александр застыл от изумления.

Молочно-белый плотный туман скрывал обоих по колено, из-за чего казалось, что они парят в облаках. Длинный коридор с бесчисленным количеством дверей уходит в даль, а над головой – бесконечность. Ощущение такое, будто всё это он уже видел когда-то.

- Во сне. Вы могли попасть сюда в сновидениях, - пояснил его спутник. – Осознанные сновидения, астральные путешествия – это всё об этом.

- А вы?
- Что?
- Вы. Кто вы?

- Ещё немного терпения, Харитонов, - медбрат вновь уткнулся в папку, однако уже через пару минут с явным облегчением улыбнулся. Видимо нашёл наконец, что искал. – Итак. У вас три двери.

- Что это значит?

- Дослушайте до конца и запомните – терпение – золото. Вам, конечно, простительно. Вы умерли довольно рано, однако... Должна же вас жизнь была чему-то научить! Итак. У вас три двери. Вы можете выбрать их, войти, и... выбрать. Выбрать ту реальность, в которой хотелось бы остаться.

- Навечно?

- Моих полномочий недостаточно чтобы ответить на этот вопрос. Спросить у вышестоящих, конечно, можно, но для этого недостаточно ваших.

- Моих... чего?
- Полномочий.

- Ясно. И здесь как там.

- Все отпускают подобные шутки, но в них нет никакого смысла. Ничего не изменится. Остаться за одной из трёх дверей – одна из возможностей.

- А есть и вторая?
- Да. Вы можете остаться здесь.
- С вами?

- У вас будет свой круг обязанностей. В этом месте их много. Принимать новеньких, следить за астральными путешественниками, чтоб не заблудились и вернулись. Вот, кстати... Полюбуйтесь! У меня рук на всех не хватает... Давайте быстро закончим с вами, и я ей займусь.

Харитонов не верил собственным глазам. Аня. Она не умерла, она просто... Что, если она из-за него? Упала в обморок? Наглоталась таблеток? Он должен быть рядом.

- Я остаюсь. Остаюсь и слежу за этими, - Александр кивнул на Аню, которая их совершенно не замечала, а может, просто не видела – откуда ему знать? Бардак в этой их... небесной канцелярии. – Что делать? Как её спасти? Ну? Говори, быстро!

- Хорошо. - Парень подкинул папку вверх, и она тут же исчезла. Хлопнул в ладоши – появилась новая - Подпишите. Тут. И вот тут. Это инструкции – ознакомьтесь и приступайте, а мне пора. Ничего не успеваю!

И ангел исчез. Вот так запросто – исчез и всё, а ему-то что делать? Ладно. В конце концов, он не кто-нибудь, а подполковник МЧС, в инструкциях как-нибудь разберётся, тем более что они оказались на удивление чёткими, понятными и подробными. Можно сказать, он попал в рай. С административной точки зрения.

Харитонов быстро читал, одним глазом посматривая на Аню, которая осторожно ступала вдоль коридора, рассматривая двери. Вскрыл конверт с часами (в соответствии с инструкциями). Действуя быстро и чётко, защёлкнул на запястье браслет, нажал на нужные кнопки в необходимом порядке.

Отлично. Она его не видит. Возможно, правда, услышит. Он должен подтолкнуть её к нужной двери и дать установку на возвращение. Время для живых в данном месте строго регламентировано, иначе случится неповторимое.

...

- Аня...

- Харитонов! Это...ты?

- Я. Ничего не бойся. И вернись, слышишь? Обязательно вернись!

Дверь справа бесшумно распахнулась.

Глава 4

Чавканье копыт по сырой, вязкой земле. Запах сгнившей соломы, очертания старой, заброшенной мельницы в бледном свете полной луны.

Инквизитор спешил, стараясь вести себя бесшумно. Вряд ли кто-то станет околачиваться в ночи возле жилища ведьмы, тем более в полнолуние. И всё же он опасался нежелательных встреч. Если ведьма права, верные слуги святой инквизиции придут замести следы. Кроме того, за ним наверняка следят.

Поверить, что распоряжение сверху отправить его в это дьяволом забытое место, обусловлено необходимостью навести порядок, было бы слишком наивно.

Показательные казни. пытки. Сожжение ведьм. Всё это прекрасно справляется с нежелательным вольномыслием. А он... проявляет рвение в поисках справедливости. Нежелательное рвение.

- Укрепи душу мою, всевышний, ибо ты справедлив, щедр и милосерден, - прошептал инквизитор, и, спешно осенив себя крестным знаменем, отправился к мельнице.

Он нашёл то, что искал почти сразу. Будто какая-то неведомая сила сама притащила к ведьминому алтарю. Доски, пристроенные на камнях, покрыты алой тканью. Оплывшие свечи. Он решил подойти ближе, чтобы обойти это место со всех сторон и неожиданно вздрогнул – несколько ворон взмыли в ночное небо.

- Каррр! Каррр!

Инквизитор наклонился и понял, что помешал пиришеству – ягоды уже начинающего гнить винограда валялись повсюду. Виноград. Яблоки. Колосья пшеницы. Он поднял чашу, что валялась тут же, поднёс к лицу. Пахнет... молоком. Отодвинул полу скатерти, нашёл ещё две. Одна чистая, видимо, там была вода, а третья...

- Кровь? – Прошептал он сам себе в пустоту ночи.

Красная. Липкая. Сняв перчатку и преодолев отвращение, испачкал палец остатками, скопившимися на самом дне и... лизнул.

- Вино.

Странно, но ему стало легче. Он не верил, что эта... женищина убила младенца. Не хотел верить. Женищины не должны убивать детей. Замысел всевышнего - прекрасен, люди – грешны, но так... Так не должно быть.

А он? Что он должен делать? Спасти её означало обвинить Йохана и Клауса в страшном преступлении. Детоубийстве.

Предъявить найденные только что доказательства невозможно, поскольку в таком случае придётся расписаться в том, что он не доверяет собственным братьям. Но он вправе вести расследование. Тянуть время. Он должен хотя бы попытаться, иначе не сможет молиться искренне, осквернив собственную душу злодеянием и ложью.

- Дай мне сил, всевышний. Спаси и сохрани...

Он вернулся, но так и не уснул до утра.

Стоило инквизитору закрыть глаза, как он видел ещё одни. Зелёные. Её. Таращились прямо в сердце. Не боялись ни боли, ни смерти. Жаждали любви и дарили прощение.

Слёзы - очищение души. Он никогда не испытывал подобного после молитвы, и это пугало.

Казалось, эта женищина знает все тайны мироздания. Адские муки и райские наслаждения, впустив в свою душу, восстала из пепла. Она стала его наваждением...

Когда утром её привели на допрос, инквизитор чувствовал себя путником, которому спустя годы скитаний в пустыне, дали прохладной воды. Йохан и Клаус вошли следом, бочком пробираясь к орудиям пыток, бросая на инквизитора недвусмысленные взгляды.

- Оставьте нас, - бросил он им.

Его тон был властным и достаточно равнодушным. Он попросил их уйти не сразу, спустя довольно длительное время – так, чтобы не вызвать подозрений.

- Но Ваше... Ваше Святейшество, обычно во время допроса, - инквизитор бросил на Йохана строгий взгляд, тот сбился, но после, совладав с собой, всё же продолжил. – Я говорю...это... Ваше Святейшество, прежний ... наш... Это. Преподобный Бер, он...

- Мой предшественник, - тихо, лаская несчастного Йохана полным всепрощения взглядом, начал Его Святейшество Эннеке Вейский. – Насколько я помню, был не просто снят с должности, друг мой. Его отправили в Дейберри, до решения Святого Суда. А в Дейберри... Напомните, что там?

- Замок Скорби, - прохрипел Клаус, пряча глаза.

О незавидной судьбе осужденных в Замке Скорби слагали легенды. Лучшие уж ведьмин костер! Оттуда никто не возвращался. Никогда.

- Хорошо, Клаус. Мне показалось, или вы сомневаетесь в том, что я проведу допрос согласно правилам?

- Ваше Святейшество, простите великодушно.

- Повторяю. Оставьте нас.

Тяжёлая дверь захлопнулась. Ведьма не поднимала глаз, но инквизитор чувствовал, что страх этой... этому существу не ведом.

- Я был там, - ведьма подняла голову, обожгла зелёным взглядом. – Виноград, яблоки, вода, молоко, вино. Свечи. Какие-то знаки. Камни. Что вы делали? Зачем... всё это?

- Кормила фей. Благодарила духов.

- Фей не существует.

- Правда? – она наклонила голову, сложила ладони и осторожно подула над ними.

В то же мгновение пыточная наполнилась... бабочками! Полупрозрачные небесно-голубые крылья ласкали инквизитору лицо, и он вспомнил... Вспомнил!

Лето в Неймене, вила у моря. Последнее счастливое лето его беззаботного, безоблачного детства. Он играл с феями. Мама танцевала на песке. Эннеке обхватил голову руками, зажмурился, и видение исчезло. Удивительно... Всё это время он считал, что не помнит ничего до того момента, как попал в сиротский приют при храме Святого Лоя.

- Прекратите! Колдовством вы себе не поможете. Колдовство запрещено.

- Так сожги меня, - она пожала плечами - роба сползла, оголив плечо.

Он вцепился в подлокотники кресла и глубоко задыхался, стараясь вернуть самообладание, истово молясь про себя.

- Ребёнок... Вы видели, как убили младенца?

- Нет, - она помрачнела. – Думаю, он был мертв. За заброшенной мельницей в трёх днях пути небольшое поселение гуннов. Святая Инквизиция считает их неверными, но терпит. Гунны делают лучший мед в нашей Империи. Недавно там был мор. Отравили колодец. Достать мертвого младенца не трудно – деревня стала кладбищем после того, как там побывали рыцари Святого Престола...

- Вы утверждаете, что рыцари отравили воду в деревне гуннов? Осторожно. Это серьёзное обвинение. Необходимы доказательства.

- Бедный...- Ведьма встала и потянулась, приподняв волосы обеими руками. – Бедный справедливый инквизитор. Такой молодой. Такой... красивый. Спасай свою шкуру, отправь ведьму на костер! Не то тебя самого упекут в Замок Скорби.

Последние слова она произнесла глухим, безжизненным голосом, постарев на глазах. Он отпрянул, чувствуя, как пот струится по лбу.

- Вас не сожгут, если вы невиновны.

- Принеси мне кольцо! Оно хранится здесь. Артефакты, отобранные у ведьм и колдунов. Святейшества не знают, что с ними делать. Думают, обогатились – побрызгали святой водой и все! Дорогие украшения, золото, ценные камни – можно дарить женам, дочерям, любовницам, умаслить начальство... А только артефакт он живой, понимаешь? В нем магия. Волшебство. И в тебе есть это волшебство. В твоём сердце есть магия, инквизитор. Во имя матери, которую ты вспомнил, во имя своего бога, чёрта, дьявола – принеси! Суд будет справедливым, душа - не запятнанной, руки под алым бархатом чистыми от крови. Принеси мне кольцо!

...

- Ребята, минуту внимания, пожалуйста! - Легоцкая улыбнулась.

Танцоры собрались вокруг неё, тяжело дыша после непростого прогона, но всем своим видом показывая, что готовы внимать каждому её слову. Все понимали – ей сейчас тяжело, и Анна была им искренне благодарна за поддержку.

Говорят, после похорон становится легче, но, видимо, не в её случае. Что до шаманских практик – они её ещё больше запутали. Не стоит сильно увлекаться всем этим. Тем более в таком состоянии.

Вот только...

Анне хотелось снова побывать в том коридоре. Войти в какую-нибудь другую дверь. Она вспомнила Дашку с её лекцией о квантовой физике и улыбнулась.

- Анна Кирилловна. Чем мы вас так рассмешили? – Розочка Вавилова скрестила руки на груди.

- Простите. Простите меня, я просто задумалась. О своём. А вам... Вам, мои дорогие, я хочу сказать вот что. То, что сейчас было, было великолепно!

Вздых облегчения, смех, аплодисменты – всё это бисером прокатилось по репетиционному залу, отпуская напряжение.

Хореография и правда получилась сложная. Позорный столб, у которого по сценарию жгли ведьму, с лёгкой руки Легоцкой превратился в пилон – девушки, изображая языки жадного пламени, делали сложные трюки, а мимически приходилось отыгрывать так, что у танцовщиков не только ноги – лица болели!

Однако это того стоило. Анна с радостью объявила всем, что после пятиминутного перерыва они представят сцену сожжения художественному руководителю театра, и отправилась к нему в кабинет.

- Можно?

- Легоцкая, тебе здесь можно все! Кофе?

- Обязательно. Пожевать есть что-нибудь?

- Карина, - позвал Привалов помощницу. – Сгоняй в кондитерскую напротив. Ань, что хочешь? Есть бутерброды с сыром, печенье, сейчас пирожных принесут.

- Карин, спасибо большое, не надо куда бежать. Привалов, не переигрывай, пожалуйста, я и так нервничаю... Пью чай и милости прошу посмотреть, что получилось.

Помощница Привалова тем временем уже расставляла чашки. Вскоре как по мановению волшебной палочки на столе появились бутерброды, печенье и ... пирожные!

Анна всегда восхищалась тем, как эта скромная девушка всё успевает, всё помнит, буквально читает мысли шефа. Может, между ней и Приваловым что-то есть, но это не её дело.

В школе Антон был без памяти влюблен в Соньку Ромашову, а та взяла и вышла замуж за какого-то бизнесмена, едва прозвенел последний звонок. И это при том, что вроде как у них любовь была в школе. С горя её одноклассник уехал в Москву и стал режиссёром. Очень, кстати, хорошим режиссёром, а остальное её, Анну Леоцкую, совершенно не касается. Пока. Может со временем они с Антоном подружатся, и будут делиться чем-то личным, кто знает...

- Ань, пока чаёвничаем, - начал Антон. – Сценарий у тебя не вызывает вопросов? Никаких?

- У меня – нет. А что?

- Хочу переделать.

- Что именно?

- Смотри - инквизитор и ведьма. Логично, что это Испания. Англия. Да вся Европа страдала в то время охотой на ведьм.

- Кстати если рыть источники, - Анна заставила себя остановиться на одном пирожном, - то, как раз в Испании инквизиторы лютовали меньше всего, как это ни странно.

- Вопрос изучен вдоль и поперёк, кто бы сомневался. От тебя я другого и не ожидал. Вот только у Кармина история разворачивается не в нашем мире. Это фэнтези.

- Знаю. По-моему, так даже интересней. Тебя что-то смущает?

- Так это и смущает. Фэнтези, это... Не совсем наш формат. Думаю переделать, пусть будет Испания. Зрителю так привычней. Согласна?

- А как же сцена с голубыми феями, которые появляются в момент, когда ведьма колдует?

- Да нет этой сцены. Нет номера. Вырежем, да и всё. Кармин написал пьесу - режиссёр может делать с ней всё, что сочтёт нужным.

- Конечно, ты можешь делать всё, что хочешь, но у меня есть идеи по поводу фей. Давай так – ты сейчас посмотришь, что у нас получилось, а там решим.

- Добро. Ну, что? Пойдём, посмотрим на ваш шедевр?

Они вошли в зал, где всё уже было готово. Леоцкая заметно нервничала – хотелось впечатлить Антона, они столько работали.

...

Последние звуки растворились в воздухе. Эти несколько минут ожидания в полной тишине она не забудет никогда.

Номер закончился. Танцоры замерли, а у неё самой сердце колотилось так, словно вот-вот выскочит.

- Леоцкая, - выдохнул, наконец, художественный руководитель театра. – Делай своих фей. Ставь. Ставь всё, что хочешь, чтоб тебя, потому что ты... гений! Это... Это фантастика, товарищи, нас ждёт ошеломляющий успех! Я уже вижу афиши... Ведьма в горящем пламени, инквизитор в алом плаще. Мы завоюем этот мир, готовьтесь к заграничным гастролям! Всем беречь себя. Ваш профессиональный ресурс бесценен. Слышали?

- То есть вы довольны, Антон Николаевич? – Анна лукаво улыбнулась, чувствуя невероятное облегчение и гордость за труппу. Хотелось броситься на сцену – обнимать своих подопечных.

- Доволен ли Антон Николаевич?! Антон Николаевич сражён! Антон Николаевич бесконечно счастлив! Кто молодец? Я молодец! Какого я вам хореографа добыл, а?

Все засмеялись и вскоре разошлись – вдохновлённые и абсолютно счастливые.

...

Может, и не стоило идти после такого чудесного вечера на кладбище, но Анне хотелось попрощаться с Сашей наедине. Чтобы никого рядом. Август заканчивался, но всё ещё было очень тепло.

Левощкая шла, прижимая к груди четыре ярко-алые розы. Она положит их на свежую могилу и поделится тем, что происходит в её жизни сейчас. Жизни, которая всё ещё продолжается... без него.

Алый цвет расскажет Харитонову о спектакле. О танцовщицах в огненном трико. О голубых феях и новой постановке, сюжет которой уже порхает в мыслях.

А ещё ей очень нужно признаться в том, что она слышала его голос. И попросить прощения. За то, что собственное подсознание нарисовало такие ужасные сцены. Может быть, если бы она всё же простила его тогда, жизнь сложилась бы по-другому. Может быть, но... это уже не важно. Харитонova нет на этом свете, но в её сердце он будет всегда. Героем, спасающим жизни и лучшим отцом для Костика.

- Я буду помнить только хорошее, - прошептала Аня, аккуратно пристраивая розы среди пышных венков.

Слёзы. Неожиданно. Она думала, что всё уже выплакала и сможет сдержаться, но не получилось.

- Харитонов, ты что-нибудь знаешь о квантовой физике? Дашка столько всего рассказывала. Я ничего не поняла. А потом... Потом мы с ней попробовали одну практику. Ты был там. Рядом со мной. Ты сказал: «Ничего не бойся». И ещё сказал: «Обязательно вернись!».

Анна подняла лицо и заморгала, чтобы тушь не потекла, и тут...

- Саша... Саша!

Это был он. Метрах в пяти от неё. Стоял и смотрел. Потом, поняв, что она заметила, развернулся и зашагал прочь.

- Харитонов, стой! - не помня себя, она бросилась его догонять, стараясь не споткнуться, лавируя между оградками. – Подожди! Стой!

Догнав, она вцепилась ему в спину, заставив обернуться, и вдруг с ужасом поняла, что ошиблась.

- С вами всё в порядке? Я могу помочь?

Конечно, это был не Харитонов, а совсем другой человек. Высокий. Бледный. Зелёные глаза смотрят внимательно. Виски тронуты сединой. Он примерно её возраста, может чуть старше. Ничего общего с Сашей. Но она... Она же видела! Это был он...

- Нет. Не нужно. Простите... Простите меня, я просто...

- Обознались? Бывает. Уверены, что помощь не нужна?

- Нет-нет. Всё в порядке.

Левощкая направилась к выходу, стараясь идти как можно быстрее, опасаясь, что ещё немного, у них завяжется разговор, будет повод для знакомства, а она не хочет! Не хочет никого видеть, не хочет ни с кем говорить.

- Берегите себя! – послышалось сзади, но она не обернулась.

Мужчина долго стоял и смотрел вслед женщине с заплаканными глазами, одновременно наслаждаясь бархатным летним вечером, одним из последних в этом году. Скоро осень. Время, которое кладбищам идёт как нельзя лучше во всех смыслах. Золотые листья на мраморных плитах, терпкий запах увядшей листвы. В прохладном осеннем воздухе даже вороний крик – и тот звучит по-иному.

- Не понимаю я твоего восторга перед всем этим, - сзади, словно из ниоткуда возникла женщина, и выглядела она более чем странно. Длинный широкий плащ средневекового кроя, тень от капюшона почти полностью скрывает черты лица.

- Сам не ожидал, - не стал спорить мужчина, продолжая смотреть незнакомке вслед. – Я надеюсь ты не явишься к ней в таком виде?

- Нет. Здесь отвратительная мода. Плохая еда. Воздух...

- Потерпи, Ло. Осталось немного. Вот только самое сложное впереди, и в основном зависит от тебя.

- Сомневаешься?

- В тебе? Нисколько.

- Можешь потом здесь остаться.

- Думаешь?

- Почему нет? Тебе нравится. Что именно – это уже другой вопрос, конечно...

- Ты ревнуешь. Неожиданно.

- Не льсти себе. Игорёк.

- Ха-ха-ха... Иди. Мало времени. И будь осторожна.

- Как-нибудь справлюсь.

Если бы кто-нибудь из живущих и здравомыслящих стоял рядом, он решил бы, что сошёл с ума, потому что женщина медленно растаяла в воздухе. Мужчина проследил взглядом за серой кошкой, бегущей по своим делам. Она, конечно, всё видела, но разве кошку подобным удивишь?

Глава 5

Взлетев на четвёртый этаж, она дрожащими руками принялась вставлять ключ в дверь, когда неожиданно застыла. Это называют дежавю. Ощущение. Всё это уже было. Она уже пыталась открыть дверь, и точно так же, как сейчас, у неё дрожали руки.

Тогда на помощь пришла Дашка, а сейчас...

- Аня? Ну, что опять случилось-то? Дай сюда!

Левощкая вздрогнула, уставившись на соседку, словно та была привидением. Даша. Опять. И снова она выхватывает у неё ключи. Открывает дверь. Они будут пить чай. Она ей всё расскажет и станет легче, вот только всё это уже было и...

Что-то не то. Не клеится. Не встраивается. И тут она поняла, что! Дашка. Её-то тут как раз и не должно быть!

- Ты же улетела. В Таиланд.

- Как видишь, не улетела.

- Счастье-то какое, - выдохнула Анна. – Не останусь без личного шамана. А то как жить? Кто меня в мир иной за ответами отправит?

- Не иной, - Даша посмотрела на Аню так, что у той холодок пробежал по спине. – Параллельный.

- Даш, ты чего? Ты... в порядке?

- Я – да. В полном. Просто семинар отложили. Временно. На пару месяцев. Деньги сохраняются, так что... Вообще знаешь, так даже лучше. Не так жарко будет. Лучше расскажи, что с тобой. Ты же вся дрожишь.

- Дашка... Я так рада, что ты не уехала.

Они обнялись и Левощкая разрыдалась у соседки на плече. Акустика подъезда разносила рыдания на всю лестничную площадку.

- Тихо. Тихо. Пойдём к тебе. Вот так.

- Прости, - Аня всхлипнула. – Это какой-то кошмар. Вроде нет особо повода, но...

- Горе надо выпустить. Выпустить из себя. Отдать дереву. Морю. Змее.

- Кому?!

- Змее, - Даша как будто чего-то испугалась, но потом рассмеялась и попросила её не слушать, ссылаясь на то, что не выспалась после аэропорта.

- Да я уже сама от себя устала. Правда, - они уселись пить чай. От чего-нибудь покрепче Левощкая отказалась – завтра рабочий день. – То мне кажется – всё уже выплакала. Успокоилась. Работа помогает. Новый проект интересный, трупна прекрасная. А тут представляешь, пошла на кладбище к Саше. Захотелось побыть там одной.

- Понимаю, - Даша кивнула. - А похороны как прошли?

- Отец его... Смотреть страшно было. Мамы не было – увезли в больницу с инфарктом. Сестра меня вспомнила. Приняла тепло. Не ожидала, всё-таки столько лет прошло. Костик держался, но я знаю, как ему тяжело.

- Да... Смерть единственное, чего нельзя исправить. Ты хотела что-то рассказать?

- Даже не знаю, стоит ли. Какое-то наваждение, честное слово. Мне показалось, что я его видела.

- Кого?

- Харитонов.

- Где?

- На кладбище.

- Вот оно что, - Даша стала серьёзной. – То есть ты видишь мёртвых?

- Ты ещё битву экстрасенсов вспомни, - Аня встала и стала убирать со стола. – Никого я не вижу, просто обозналась. Это был мужчина, который... Который на него даже не похож ни капельки.

- Давай сделаем практику. Мы делали, помнишь? Тебе же понравилось? Я отправлю тебя туда, где ты всё поймёшь. Что это был за человек, почему судьба вас столкнула.

- Нет уж. С меня хватит. Во-первых, как я могла забыть, это же вчера было! А во-вторых – хватит. Никаких практик. Я уже... Уже на людей кидаюсь. Мерещится... чёрт. Чёрт знает... что...

Голова закружилась. Стало холодно. Мир вокруг поплыл. Она хотела позвать Дашу, но так и не смогла.

...

- Пить... - прошептала Анна, не узнав собственного голоса.

- Нельзя, – медсестра провела по губам больной влажной ватой. – Мы уж и не надеялись, что выживешь. Потеря крови большая. Повезло, что Стасов дежурил. Не доктор – бог!

- Где я?

- В больнице, голубушка, в больнице. – Влажная вата ещё раз коснулась губ.

В голове мелькали отрывки воспоминаний. Парк... гравий под ногами... лай собаки...

Когда она снова открыла глаза, возле кровати кто-то сидел. Мужчина не отрывал от неё упрямого взгляда, нехотя кивая наставлениям сестры:

- Пять минут, - объявила та. - Не больше. Пациентка слишком слаба.

Взгляд мужчины казался знакомым, хотя она могла поспорить, что никогда его не видела.

- Следователь Мельников Игорь Николаевич, - удостоверение мелькнуло перед глазами и исчезло в большой ладони. - Расскажите, что произошло?

- Не помню...

- Совсем?

Боль пронзила голову.

- Я... бегала. Вечерняя пробежка.

Это было удивительно. Она ведь не бегала. Никогда. В зал – да, но, чтобы бегать по утрам?

- Вы были в спортивном костюме, - кивнул мужчина, словно подбадривая. – Дальше?

- Он напал на меня.

- Кто?

- Не знаю. Глаза. Я помню глаза. Злые. Зелёные.

- Фоторобот сможете помочь составить?

- Нет. Он был в маске. Только глаза, - она сделала над собой усилие, подняла руку и провела по глазам.

- Балаклава, – догадался капитан. – Что ещё помните?

- Боль в боку. И собака.

- Какая собака?

- Не знаю... Собака лаяла. Я точно помню. Можно воды?

- Всё! – скомандовала медсестра следователю и протянула Ане стакан. - Два глотка, - прошептала она больной уже мягче. - Не больше.

- Подумайте. Вспомните. Что-нибудь необычное происходило с Вами за последнее время? Не знаю... В личной жизни. Может быть, наследство получили? С чем-то данное нападение могло быть связано?

- Я... не знаю.

Наследство... Он сказал «наследство». Анна почувствовала боль в голове – сильную, пульсирующую. Следом лавиной пришло знание чужой жизни. Чужой, но вместе с тем, как бы и её собственной. Обрывки того, что случилось до этого злосчастного нападения.

Вечер. Она пришла домой с какого-то важного мероприятия - ноги болят от усталости, хочется поскорее в душ. В тот самый момент ей позвонили. Вернее, не ей, а... Женщине, которой она была. Помнит, как разговаривала, стоя перед зеркалом, разглядывая собственное отражение. Умопомрачительно элегантное платье и... короткие волосы? С активным макияжем смотрится эффектно и одновременно трогательно. Официальный голос сообщает что она, Милана Драгович, вступила в права наследства и так далее...

Следователь ждёт, сверля глазами, а она не знает, что говорить. Ей бы сейчас со всем этим справиться, с ума не сойти... Рука потянулась к затылку, нащупав ёжик стрижки.

Потом было длинное письмо от неизвестного родственника из Сербии. Милену Драгович взяли на попечение в возрасте пяти лет. Хорошие люди. Добрые. Но официально её так и не удочерили, сохранив девочке её настоящие имя и фамилию. Никакого наследства Милена не хотела. Где был этот родственник, когда её отдавали в детский дом? Может, он же и отдал, а теперь совесть замучила? И всё-таки любопытство взяло верх. В конце концов, она обычная женщина, такая же, как все. Как только необходимые бумаги были подписаны, ей вручили коробочку. Там-то оно и лежало. Кольцо, из-за которого её жизнь превратилась в ад!

- Не молчите, - потребовал Мельников. – Вы что-то вспомнили?

- Я... Не знаю. Можно я посплю?

Следователь, как назойливая муха, мешал восстанавливать события. Она... Не она – Милена Драгович, но какая теперь разница? Стало казаться, что за ней следят. И началось это с того самого дня.

Старинное кольцо из потускневшего от времени металла с зелёным камнем грубой огранки, видимо, представляло какую-то ценность помимо сказочных легенд, подробно описанных в письме.

Теперь она знала всё, что произошло. Откуда – это уже другой вопрос. Вопрос, на который нет ответа. Что было до всего этого кошмара, измученное сознание подсказывать отказывалось наотрез.

Милена собиралась забежать (в буквальном смысле) к ювелиру, специалисту по древним артефактам и ценностям. Посоветовали в юридической конторе. И в этот самый момент на неё напали. Совпадение? Вряд ли. Но следователю об этом лучше не знать. Во всяком случае, до тех пор, пока она сама во всём не разберётся.

- Мы закончим, и вы отдохнёте. Постарайтесь напрячь память. Понимаю, вы пережили стресс, однако в интересах дела...

- Ааа... Голова, - застонала больная.

- Вы слышали? - взвизгнула от возмущения медсестра. - Хватит! Мы и так её еле спасли. Хотите, чтобы меня уволили?

- Минуту, - попытался возразить Мельников.

- Если вы сейчас же не покинете палату, я вызову охрану. Уходите.

- Но хоть имя её я могу узнать? Ни документов, ни телефона на месте преступления не обнаружено, - Мельников посмотрел на пострадавшую, ища поддержки.

- Был телефон, - прошептала, отвлекая внимание, незаметно обыскивая пространство под подушкой.

Если всё, что вдруг появилось в её голове – правда, там должно быть кольцо.

- Телефон не нашли, - покачал головой Мельников. - Видимо, украли. Как вас зовут?

- Ан... Милена. Милена Драгович. В дверь стучат. Слышите?

- Успокойтесь. Вам нельзя волноваться. Вам надо поспать.

- Стучат.

- Никто не стучит, - полное миловидное лицо медсестры стало расплываться, а стук становился всё сильнее, сильнее, сильнее...

...

- Не спать! Просыпаемся! Очнись, Аня!

- А? Что...

Рука, сжимающая кольцо, разжалась. Леоцкая, не отрываясь, смотрела на свою пустую ладонь. Ничего. А где... Она дома!

- Дашка? Даш... Господи, как хорошо.

- Надо заканчивать эти игры. Хватит! – Даша вскочила и стала собираться – бледная, потухшая.

- Какие игры? Я же сама сказала, что больше не буду...

- А кто меня уговаривал? Ты вообще что-нибудь помнишь?

- Видимо, нет, - рассеяно пробормотала хозяйка квартиры. Квартира, кстати, в этот раз выглядела совершенно обычно – ни свечей, ни благовоний, ни... колокольчика.

- Что помнишь? - Даша смотрела прямо в глаза, будто гипнотизировала.

- Там... всё было иначе. Ни коридора, ни дверей. Саши тоже не было.

- А что было?

- Какая-то детективная история. С кольцом.

- Каким кольцом?

- Понимаешь, это так... Так странно! Ты – это ты. Но ты – это не ты! Вернее, я – не я.

- А конкретнее?

- В какой-то момент ты понимаешь, что занимаешь чьё-то место. И даже знаешь историю этого неизвестного так, словно она - твоя. Но ты осознаешь, что...

- Мы существуем во множестве миров, - перебила Даша. Она говорила серьёзно и тихо, что совершенно на неё не похоже. - В каждом проживаем одну из собственных жизней. Мы можем быть мужчиной или женщиной. Ребёнком. И те, кто с нами рядом – близкие, любимые, дорогие сердцу люди в каждой реальности всегда рядом с нами. Однажды всё вспомнить, узнав себя во всей этой бесконечно сложной и бесконечно огромной системе...

- Невозможно, - прошептала Анна, заслушавшись. - Даш... Я тебя такой никогда не видела.

- Какой?

- Не знаю... Какой-то... Другой. И это ты ещё даже не съездила на свои практики! Дальше-то что будет? Всё. Пошли чай пить.

Леоцкая принялась готовить чай, стараясь привести мысли в порядок. Она же помнит, что не хотела никаких медитаций. А Дашка говорит, она сама её просила. Наверное, так и было. Дашке зачем врать?

- Поиск кольца - основа практики, - сказала Даша, даже не притронувшись к чаю.

- Кольцо! Ну, конечно. Я его нашла!

- Где?

- Там. В медитации.

- И где оно? Помнишь?

- В смысле «где»? Не пугай меня, специалист по квантовой физике. Ты же понимаешь, что перенести объект из видений в мир физический невозможно?

- Невозможно, - повторила Даша, мыслями явно витая где-то очень далеко. - Завтра повторим. Кольцо – это ключ. Будем продолжать искать его. Так решим проблему. Понимаешь?

- Ну... Из того, что я знаю о психологии, - Леоцкая положила ладони на глаза и слегка надавила (помогает расслабиться), – да. Понимаю. Только не понимаю, зачем. У меня никаких особых проблем, Даш. Саша умер? Так это другое. Все мы реагируем на потерю близких одинаково и лекарь тут один – время. Не обижайся, но я, наверное, доверюсь ему.

- До завтра, - Даша попрощалась и ушла.

Анна осталась одна, чувствуя себя виноватой. Соседка тут с ней носится, старается помочь, а она... Со стороны, наверное, выглядит, как чёрная неблагодарность. Возможно, Дашка даже обиделась, но что она может поделать? Эти... видения. Они выматывают. Выматывают и пугают. Тем более у неё сейчас работа. Феи. Надо придумать, как девочки будут вступать. Нужны лёгкие летящие ткани. Небесно-голубые. Хорошо, если они будут светиться.

Глава 6

Александр Харитонов вот уже... Сколько времени могло пройти в месте, где времени, по сути, не существует? Бывший подполковник МЧС на ангельской службе щеголял в костюме медбрата, с увесистой папкой под мышкой и браслетом с светящимся голубым экраном на запястье – так же, как его не то начальник, не то напарник, он так и не разобрался толком. В залитый молочно-белым туманом коридор с бесчисленным количеством дверей по обе стороны попадали души - живые, но потерявшиеся и растерянные.

Его задачей было проследить, чтобы все ныне живущие благополучно вернулись обратно. Он шептал им о том, что вернуться необходимо и засекал время, проведённое ими за дверью. Харитонову каждый раз хотелось заглянуть и узнать - что там? Но он знал - если дверь открылась, значит всё, что творится внутри, предназначено лишь для того, кто сюда попал. Это было правило. Правил в их «приемном покое» было много. С каждым разом он узнавал новые, но всё это мало помогало понять (хоть немного), что же на самом деле творилось вокруг...

Сложнее всего было смириться с тем, что Аню он может больше не увидеть. Никогда. Она узнала о его смерти. Горе. Стресс. Вот и попала сюда. Даже представить страшно... Он бы на её месте не справился. Но Аня...

- Она появится, - слышал Александр голос за спиной. – Возможно.

Ангел, что принял его здесь, а теперь даже назначил на некую должность, печально смотрел невозможно ярко-синими глазами «прямо в душу», как сказали бы на земле. При том, что оба были невесомы (ангелы всё-таки), Харитонova всё равно раздражала эта его привычка бесшумно подкрадываться и читать мысли. Александр ничего не ответил.

- Чего бы тебе хотелось? – вдруг спросили его. - Прямо сейчас?

- Кофе. Скучаю по бодрящему аромату жареных зёрен. Но ещё больше... по кофейному автомату. Это странно, наверное. Просто кофе мы пили обычно после задания. Это значит, что опасность позади. Все живы. Мы справились. И всё это счастье концентрировалось в кофейном автомате. Глупо, да?

- И да, и нет. Здесь работала девушка, которая скучала по украшенным к рождеству торговым центрам.

- Наверное, у неё была своя история, - Харитонов пожал плечами.

- Была. Пойдём, - белые слайсы бесшумно поплыли по коридору, и бывший подполковник послушно направился следом. Не спрашивая. Он уже начал к этому привыкать.

Вскоре оба оказались в небольшом помещении с... кофейным автоматом. Машина тихо жужжала, вибрируя от непривычного для этого места электричества, красуясь светящейся рекламой. На крупной, чёткой фотографии чашка ароматного кофе - видны и пузырьки взбитой молочной пенки, и крупинки корицы, и пар, растворяющийся в пространстве кафе. Всё ради того, чтобы разбудить желание потребителя.

- Но... Как?

- Тебе что? – буднично поинтересовался медбрат, ловко нажимая на кнопки.

- Чудеса...

- Здесь материализуется память. Пока ты здесь недавно, нужно пользоваться.

- А потом?

- Потом – всё. Для подобных фокусов необходимо помнить. Цвет, запах, вкус, звуки, эмоции. Со временем всё это забывается. Забывается и уже... не материализуется. Так что тебе?

- «Американо».

- Не вопрос.

- Петя так всегда говорил: «Не вопрос».

- И это – тоже не случайность. Есть... ещё кое-что.

- Что?

- Хочешь увидеть Аню?

Конечно, он думал об этом. Много раз. Должны же они здесь следить за тем, что творится внизу, а значит... Значит, должна быть такая возможность. Вот только он не спрашивал. Не до того было. Хотя нет. Самому себе не стоит врать, особенно после смерти. Он не спрашивал, потому что боялся отрицательного ответа. Верно говорят: «надежда умирает последней». Вот он уже умер, а надежда жива.

- Нет. Не хочу. Не сейчас. А можно посмотреть на свою могилу?

- И ты туда же. Никогда этого не понимал, но... Пожалуйста. Пойдём.

С пластиковыми стаканчиками в руках (кофе, как в автоматах на земле – отвратительный, и это было самое прекрасное, что случилось с ним за последнее время) они отправились дальше. Коридоры. Повороты. Распашные двери. Лифт. Снова коридоры...

Когда, наконец, они пришли, его удивлению просто не было предела! Огромный зал, в центре которого... идеально круглая, огороженная хромированными перилами пропасть. Там, чуть ниже дымки из полупрозрачных облаков – земля.

- Сюда, - голубоглазый наставник приветливо помахал рукой, и Харитонов увидел, что тот, опередив его на несколько метров (и когда только успел?) уже возится с неким устройством. Больше всего оно было похоже на подзорную трубу. Из тех, что устанавливают на смотровых площадках.

- Смотри.

На земле наступала осень. Медленно. Осторожно. Подкрадывалась, как... Как этот. Синеглазый. Кое-где деревья уже совсем жёлтые. Вечер. Карканье ворон, оглушительно громкое. Он неожиданно отметил про себя, что стал забывать звуки. Его могила. Надо же. Как... странно на это смотреть. Он не чувствует ни боли, ни горечи. Вообще ничего. Огромные венки начинающих увядать цветов и... никого.

- А Аня? – он не заметил, как спросил это вслух.

- Она же не может сутками торчать на кладбище, - ангел грустно пожал плечами. – Пройдёт время, и тебя забудут. Конечно, близкие будут помнить. Но всё время об этом думать слишком тяжело. Ты тоже забудешь. Вот только в твоём случае боль уйдёт.

- Только... в моём?

- Да. Живые не могут позволить себе её отпустить.

- Почему?

- Потому что это и есть память.

- Это и есть любовь, - закончил Харитонов за ангела.

- Пусть будет так, - согласился тот.

- Что это значит? «Пусть будет»?

- Мы – ангелы, - последовал ответ. – Нам положено изрекать мудрые мысли.

Харитонova это рассмешило, но он решил не подавать вида. Иногда его новый знакомый вёл себя как... ребёнок.

Недалеко от его могилы стояли двое – мужчина и женщина. Они о чём-то сосредоточенно беседовали. Харитонов покрутил рычаги, увеличивая чёткость. Странно. Он их никогда раньше не видел. Значит, они пришли не к нему...

...

- Сколько их ещё? – мужчина рассматривал кольцо, прислушиваясь к карканью.

Вороны – удивительные существа. Они, пожалуй, единственные существуют во всех мирах, совершенно не меняя внешнего облика и этого их специфического крика. Даже там,

где эти птицы прекрасно говорят и очень, надо отметить, мудры – они всё равно издают эти крики: «Кар! Кар! Кар-р-р...!».

- Не много. Я... почувствую, - женщина поёжилась. – Мне страшно.

- Никогда не думал, что услышу от тебя подобное.

- Я тоже. Но здесь как-то...

- Согласен, - он кивнул, возвращая драгоценность. – Здесь есть что-то... Высасывающее.

Тревожащее душу. Может быть, поэтому именно здесь так много об этом говорят.

- О чём говорят?

- О душе. Размышления о душе они... Повсюду. В книгах. Разговорах. Мыслях. Искусстве...

- Рада, что у тебя есть время на философию, а мне придётся поработать.

- Я тоже не прохлаждаюсь.

- Пока ты именно этим и занимаешься, - она ухмыльнулась, надвинув капюшон на лицо.

- Соберись и не подведи, когда придёт время.

- Не обещаю, - он достал сигареты. – Будешь?

- Гадость, - она поморщилась. – Запах, будто дракона стошнило!

- А мне нравится. Со вкусом шоколада, между прочим. Поможешь? – Он показал взглядом на то, что сигарету хорошо бы поджечь.

- А сам?

- Нет, я держусь. Боюсь выйти из роли.

- То есть тебе нельзя, а мне можно?

- Тебе проще.

- С чего это?

- Ты у нас дама, увлечённая спорными практиками. Практически ведьма. Тебе – можно.

А я – учёный. Доктор наук. Мне никак нельзя. Помоги, а? - женщина закатила глаза, щёлкнула пальцами, и сигарета задымилась. – Ло, будь осторожна. И удачи.

Они разошлись в разные стороны. Он пошёл к выходу, она – на восток. Спрятав руки в широкие рукава плаща, женщина щёлкала пальцами каждый раз, когда видела на могилах погасшие свечи. Этого, конечно, никто не заметил, но на кладбище стало очень красиво. Особенно если смотреть сверху...

Глава 6 продолжение

Инквизитор шёл по пустым коридорам к чёрной лестнице. Она вела к подземным складам, туда, где хранились конфискованные артефакты. Официально у Его Святейшества были все полномочия. Тем не менее, он прекрасно понимал, что за ним следят. Скорее всего, это Йохан.

Эннеке Вейский щедро заплатил конюху за то, чтобы не болтал о его ночных прогулках, но кто знает... Преданных людей здесь, на окраине, у него нет, а перед страхом виселицы все равны. Возвращаясь с утренней молитвы, он видел, как эти двое беседовали, воровато оглядываясь по сторонам. Едва завидев алую сутану, они тут же разошлись.

Сменить бы кровавый бархат на что-нибудь более неприметное, но, увы. Он волен решать, кому жить, а кому болтаться на виселице или гореть в огне, испытывая нечеловеческие муки, но он не может себе позволить серый в заплатках плащ, сливающийся с толпой и дарующий хотя бы на время то, чего он жаждет больше всего на свете – свободу. Он, инквизитор, мечтает оказаться на месте бедняка. Рыночного воршишки. Хотя бы... Хотя бы на один час!

Тем не менее, сейчас он должен украсть – средь бела дня, щеголяя алым бархатом и поблескивая массивным крестом на груди.

«Не покарай, всевышний, - шептал Его Святейшество, быстрым шагом направляясь к своей цели. – И не сочти за глумление. Поверь, я не могу поступить иначе, ибо истина и справедливость превыше всего. Да, я нарушаю закон, но ты знаешь - во сто крат греховнее идти против совести. Каждому да воздастся по делам его, и да восторжествует милосердие как высшая добродетель из тех, коим ты учишь нас, недостойных...»

Как назвала ведьма тот артефакт? «Лартомир». Кольцо с зелёным камнем – один из пяти «колодцев магии». Она так и сказала – «колодцев». Один из пяти. Пять колец – пять магических центров. В них – вся магия Вселенной. Ей нужно это кольцо чтобы спастись, и он согласился найти его.

Ведьма говорила много и быстро – так, словно боялась не успеть. О магах, что явятся в день её казни и потребуют кольцо.

Самое удивительное – он верил ей.

Колдовство... Душа инквизитора металась в сомнениях, испытывая страдания и боль. Он любил создателя всем сердцем, при этом не мог отделаться от детских воспоминаний, так ярко посетивших его тогда. Феи. Созданы ли эти полупрозрачные летающие создания ИМ? Единственным, справедливым, милосердным и всепрощающим? Или то порождение дьявола? Но разве могут столь прекрасные создания возникнуть в преисподней? Никак невозможно.

Эннеке Вейский был во власти морока, он осознавал весь ужас и стыд своего положения, но.... Он желал её. Горел в греховных грёзах, не в силах противиться наваждению. Тем не менее, после многочасовых истовых и искренних молитв Его Святейшество уповал на то, что поступает правильно.

Душа и сердце дарованы человеку создателем, а значит все наши проступки и слабости – часть плана всевышнего.

Да будет так...

Пять незнакомцев в чёрных плащах явятся полюбоваться сожжением жрицы дьявола. Ведьма подаст знак инквизитору, своему палачу, и он должен будет сделать две вещи: отдать незнакомцам лартомир и прочитать заклинание. По её заверениям, миру грозит беда, и заклинание поможет ему остаться в живых.

Нет.

Он принесёт ей кольцо. Принесёт, потому что верит в её невиновность и надеется, искренне, что справедливость восторжествует. Но заклинание он не прочтёт. Не осквернит себя чтением слов, пахнущих тьмой.

Бернар, юный медик из столицы (когда-то инквизитор Вейский помог ему избежать виселицы за не одобряемый Священным Судом интерес к трупам) по его просьбе осмотрел тело младенца. Его профессиональный вердикт – невинную, не успевшую ещё согрешить душу забрал яд, а не рука злодея. Ножом останки осквернили уже позже, а кровь – свиная или куриная. Всего лишь предположение, однако Бернару он верил больше, чем самому себе. Не раз наблюдал, как юный лекарь совершал чудо – исцелял обречённых на смерть.

Эннеке Вейский считал подобные деяния даром небес. Тем не менее, Священному Суду он не мог предъявить предположения Бернара в качестве доказательств. Это поставило бы под удар и его собственную репутацию, и жизнь молодого учёного.

Он принесёт ведьме кольцо. Это всё, что он может сделать.

Собственные мысли настолько увлекли Его Святейшество, что он не заметил, как очутился в хранилище. Инквизитор беспомощно осматривал горы конфискованных артефактов. Для Святых Братьев всё это – мерзкий, именем дьявола осквернённый хлам. Кольцо, которое он ищет, по словам ведьмы было старым, и Эннеке надеялся, что, несмотря на крупный топаз, его не украли.

Чем дольше он осматривал хранилище, тем больше понимал – положение его безнадёжно. Проще отыскать иголку в стогу...

Он уже отчаялся, когда увидел нежно-голубой огонёк в полутьме подземелья. Крошечная фея подлетела к самому лицу, покружила вокруг головы и... поманила за собой!

Он шёл, тяжело дыша, стараясь, с одной стороны, не упустить порхающую в пустоте путеводную звездочку, с другой – унять беспокойное сердце в груди. Наконец вдалеке показалось бирюзовое пламя – целый рой фей! Они кружили над икатулкой. Инквизитор осторожно поднял артефакт.

Деревянный ларец был не больше ладони, с грубо вырезанными странными символами на крышке. Он валялся в пыли возле прочих предметов, обычно сопровождающих ведьм – котелок, метла, связанные в пучок крысиные хвосты, череп птицы с глубокой трещиной. Одна из фей потянула за шнурок какого-то мешочка, выпустив облачко едкой смеси толчёных трав. Порошок попал инквизитору в глаза, он стал их тереть, чихнул и... оказался в собственных покоях, крепко прижимая к груди ту самую икатулку!

- Всевышний, молю тебя о прощении! Моими ли руками, чужими ли, да свершится суд твой. Спаси мою душу. Спаси и сохрани...

Инквизитор упал на колени, поцеловал крест и дрожащими руками открыл крышку. С тихим щелчком она поддалась, и он увидел кольцо. Топаз в оправе потускневшего металла напомнил колдовскую зелень глаз приговорённой к сожжению. Он спрятал артефакт в тайник и стал молиться.

Всевышний не оставит его. Не допустит падения души того, кто так искренне и беззаветно ему предан! Он подаст знак и укажет путь недостойному, ибо милосерден создатель к поддавшимся искушению!

Слава ТЕБЕ...

Утреннее солнце, пронизывая лучами кабинет Его Святейшества, подсвечивало пылинки, напоминая о крошечных феях. Природа за окном была столь прекрасна, что инквизитор немного успокоился. Если бы само провидение не одобряло его поступков, разве этот мерзкий городок накрыла бы благодать, глаз радующая? За окнами благоухали розовые кусты, пели птицы. Он спустился, вышел во двор и отправился на допрос, вдыхая свежий воздух и незаметно сжимая под перчаткой кольцо. Инквизитору Вейскому хотелось покончить со всем этим как можно скорее. Он измучился и устал, проведя в молитвах три ночи кряду.

- Ваше святейшество, сюда, сюда! – Клаус, забегаая вперёд, кланялся, вызывая раздражение.

Йохан, Ханс и Леон уже ждали возле пыточной. Они целовали Его святейшеству руку с звериной ухмылкой – ещё немного, и зубы, клацнув, раздробят кисть...

Задыхаясь от гнилого запаха предательства, инквизитор мечтал остаться наедине с ведьмой как можно скорее. Отдать незаметно кольцо и уповать на милость всевышнего.

- Ваше святейшество, мы готовы, - пропел Клаус елеиным голосом. - Денеша Святого Суда пришла ещё до рассвета... Вы видели её?

- Конечно, - инквизитор улыбнулся, одарив благосклонным взглядом присутствующих. – Сказано: «Искреннее раскаяние приходит с молитвой, а молитва да посетит сердце, открывшееся ЕМУ». Оставьте нас, братья мои, ибо Святое Слово сильнее щипцов. Раскаянию, добытому под пытками, цена – горсть гниющей соломы. «Душа да главенствует над плотью» - пятый стих «Священного писания от Лоя».

- Ваше святейшество, смею заметить, хоть сам всевышний и поцеловал Ваши уста, но ещё ни одна ведьма не очистила свою душу от скверны по собственной воле. Когда мы с...

- Клаус, брат мой... Вы вновь хотите напомнить мне о методах Его Святейшества Бера, полагаю? – Инквизитор окинул святых братьев ледяным взглядом.

- Но я... Ваше святейшество...

- Оставьте нас!

...

Анна открыла глаза, повинуюсь беспощадному палачу, инквизитору и вообще одному из самых безжалостных изобретений человечества на Земле – будильнику. Шесть утра. Рано. Но у неё ещё с вечера был план – встать пораньше, принять душ и продумать вступление фей. Не спеша, за чашечкой ароматного кофе. Что может быть лучше?

Пока упругие струи воды барабанили по спине, она пыталась осмыслить всё, что навалилось в последнее время. Саша умер. К этому невозможно привыкнуть, больно будет всегда. У неё спектакль, и это - то, на чём сейчас нужно сосредоточиться по максимуму.

Есть, правда, ещё кое-что. Даша. Вернее, их с Дашей странное увлечение... Чем? Медитациями? Если бы у неё спросили, она бы назвала это «путешествиями по мирам». Да. Именно так! Главное, не пропутешествовать кое-куда в смиренной рубашке. С гордо поднятой головой и медбратьями с суровыми лицами по обе стороны.

Левоякая представила эту картину, кутаясь в махровый халат.

- Брр! Аж... передёрнуло. Нет-нет-нет... Хватит. Пора заканчивать эти игры. Так. Чего хотим, госпожа хореограф? Кофе хотим!

Ну, вот. Пожалуйста! Она уже разговаривает сама с собой. Ладно. Будем решать проблемы по мере поступления. О том, как она была некой Миланой Драгович, сейчас думать совершенно не хотелось.

«Мы существуем во множестве миров... Ох, Дашка, Дашка, что ж ты со мной делаешь?».

Ну, всё. Хватит. Или она заставит себя усилием воли сконцентрироваться на том, что происходит здесь и сейчас, или действительно умом тронется. А что у нас здесь и сейчас? Правильно – кофе. Анна вспомнила, что у неё есть капсульная кофеварка и не без труда вытащила-таки чудо современной техники из шкафа.

Это было... перед самой его смертью. Харитонов притащил этот агрегат вместе с какой-то коробкой и велел без него ничего не трогать. Сказал, отпразднуют новоселье, и он сам всё объяснит. Потом они целовались... Еле дошли до спальни.

Сашка нёс какую-то совершеннейшую чушь. О том, что был страшным эгоистом в молодости и теперь собирается узнать о ней всё и даже больше. Говорил, что выучит все эти балетные фигуры, позы и па, чтобы понимать с полуслова ту, которой он так преступно задолжал половину жизни...

Анна сжала губы, стараясь держать себя в руках. Не время раскисать. Так. Что она хотела? Кофе. Воду – сюда. Включить шнур в розетку. Отлично. А капсулы? Капитан очевидность... Попыталась вспомнить, куда же она их тогда положила, и тут – бац! Коробка упала с полки.

Капсулы рассыпались по полу – красные, зелёные, золотые. Анна подняла одну, проведя пальцем по гладкой поверхности, а потом бросилась собирать маленькие цилиндрики – каждый подписан его рукой, будто привет с того света: «па-де-де», «фуэте», «арабеск», «адажио», «батман», «деми плие» ...

Кофеварка тихонько заурчала – коричневая дымящаяся струйка полилась в чашку. Кухня наполнилась ароматом, сердце – невыносимой болью.

Сашка, Сашка... Вся эта балетная азбука могла бы быть нашей. Утро-батман. Утро-плие. Она представила, как подполковник МЧС в череде рабочих будней выискивает в интернете хореографические термины, аккуратно выписывая маркером новые слова на кофейных капсулах. Бедняга. Это ж... китайская грамота!

Он хотел её понять. Покорить. Доставить радость, заставить улыбнуться.

- У тебя получилось, Харитонов. У тебя всегда это получалось...

Как же... больно! Первой мыслью было не трогать эти капсулы, оставить в память о нём, но потом она решила – нет. Она будет их пить, по одной, с каждым днём прощаясь. Дашка говорит – мёртвых надо отпускать, иначе там, за чертой бытия, они страдают. Вспомнился коридор в молочно-белом тумане, двери и его голос. Надо попросить Дашу. Последний раз. Последний...

Левозкая обняла чашку обеими руками и, сделав первый маленький глоток, прошептала: «Спасибо. Это лучшее адажио в моей жизни...». Три капсулы на столе, откатившись от остальной кучки, выстроились в ряд: «релеве» - «батман тандю» - «аттитюд».

Она задумалась. В этом и правда... что-то есть. Феи – сказочные существа. Лёгкие, невесомые. Нужна классика. Возможно, даже пуанты.

- Сашка... Ты – гений. Я очень тебя люблю.

Анна быстро оделась и отправилась на репетицию. Хотелось приступить к работе немедленно, пока свежи идеи. Привалов позвонил, когда она была уже в машине.

- Антон?

- Доброе. Как настроение?

- Рабочее. Скоро буду в театре.

- Рад слышать. Слушай, я на счёт всей этой «фэнтезятины». Ты говоришь, лучше оставить?

- Однозначно. Всё оставляем. Ты же обещал дать мне полную свободу...

- Не переживай, талантливая моя! Привалов своё слово держит. Я сейчас с Карминым, он тут мне ещё текст передал. Такого наворотел, честно говоря... Задержись после репетиции, обсудим. Не лежит у меня душа к этим сказкам всё равно. Боюсь, слишком уж это всё...

- Конечно, обсудим. Вы дружите?

- С кем?

- Ну, с этим... Карминым.

- Это... не совсем дружба. Он мне очень помог. Можно сказать, вытащил. Но... Давай потом, хорошо?

- Не вопрос. До встречи!

Глава 7

Анна внимательно следила за тем, что происходило на сцене. Утро выдалось... эмоциональным. Но голова работала, как часы!

- Легче, Таня! Легче! Хорошо, молодец... Мани, увлекай, зови его за собой - взглядом, руками. Да. Хорошо. Ребят, отдыхайте, на сегодня всё.

В театре она забывала обо всём. Астральные путешествия, смерть Саши, переживания сына... От этих проблем на время получалось отдыхать. Но работа требует сил, вовлечённости, полной самоотдачи... Она меняет маски, а восстановить ресурс - нигде.

Ещё три, даже два года назад она бы о таких вещах не задумывалась, но у возраста – свои плюсы. Жизненный опыт подсказывал, что расплата неминуема, и что ещё страшнее – близка. Подвести Привалова и труппу? Нет. Не имеет права. Они верят в неё и это дорогого стоит. Значит, голову придётся включить. Даже если не очень хочется, и уж тем более, если очень не хочется. Нужен отдых. Желательно уехать куда-нибудь за город. На выходные. Свежий воздух. Новые впечатления. Надо подумать, до конца недели ещё есть время.

- Анна Кирилловна, - Гена Ковалёв заглянул ей через плечо. - А что вы там... рисуете?

- Секрет! – Легоцкая захлопнула блокнот и прижала к груди. – Нечего подсматривать! Со временем всё узнаете.

- Анечка, рад видеть!

В дверь вошёл Привалов. Худрук улыбался так, будто выиграл миллион (впрочем, он всегда именно так и улыбался...).

- Геннадий. Розочка, - Антон пожимал руки артистам, приветствуя и сразу прощаясь – репетиция была окончена, ребята собирались по домам.

Оставшись вдвоём, хореограф с режиссером уселись перед сценой на первый ряд.

- Мы одни?

- Да. А что? Страшно тебе, Легоцкая? Сомневаешься в моей порядочности? - Привалов, подмигнув, наклонился к её лицу.

- Да ну тебя, - Аня пнула одноклассника в бок.

- Айй... Ты не меняешься. Такая же драчуня.

- Я не об этом, - Анна рассматривала зал так, словно видела впервые. – Я спрашиваю – мы... совсем одни? Во всём здании?

- Ну да. Это же мой театр. Я рассказывал тебе его историю?

- Тысячу раз, Привалов, ты никогда не упустишь возможности покрасоваться. Меня это, конечно, раздражает, но справедливости ради скажу, опять-таки не в первый раз ты – молодец. Восстановил брошенный, списанный театр. Отвоевал с боем. Потомки тебя не забудут.

- Ой, да ладно тебе... Хотя мне приятно. Не скрою. Я и сам рад, что получилось. Случись это позже хоть на полгода – всё! Власть сменилась. Но в то время в администрации города Лёшка Бакунин сидел. Лёшку помнишь? Баку? Из параллельного?

- Знаешь, когда во всём здании – никого, это... Удивительные ощущения, - Привалов только теперь понял, что Легоцкая его совершенно не слушает. - Всегда удивительные. Но когда это пустое здание – театр, то...

- То что?

- Ты никогда не думал о том, что пустота театрального зала НИКОГДА не бывает пустой? Посмотри на кресла – каждое примято по-своему, как будто на них и сейчас сидят. Призраки. Занавес с темнотой шепчутся, оркестровая яма вздыхает...

- Сразу видно творческую личность, - Антон поправил ей выбившийся из причёски локон, но она отстранилась – резко, как будто её ударили. Возникла неловкая пауза, которую

нужно было срочно чем-то заполнить (им ещё работать вместе), поэтому Легоцкая открыла блокнот и показала режиссёру то, что набросала за время репетиции.

- Ладно, это всё лирика, давай к делу. Сцена с феей. По хореографии всё прекрасно, никаких проблем. Номер я вижу, ребята талантливые, понимают с полуслова, могут всё, что ни попроси, но тут не в этом дело.

- А в чём?

- Мне нужны довольно сложные декорации. Вернее, не столько сложные, наверное, сколько масштабные. Вот посмотри. Видишь? Нужны лестницы – так, чтобы они пересекались. Чтобы заполнили всё пространство сцены. На время, а значит, всё это должно легко убираться.

- Так, - Антон принялся рассматривать эскиз. – Так они же всё перекроют. Актёров будет не видно?

- Правильно, поэтому всё должно быть ажурным. Арки. Видишь? Только одна сцена – инквизитор идёт вслед за феей и находит артефакт. Гена должен идти за Таней, она должна его вести! Как блуждающий огонёк. То исчезнет, то покажется. Понимаешь? Он должен идти за ней! Сомневаться, испытывать душевные муки, но идти! Тут должен быть путь. Поиск. Для усиления эффекта архитектура сцены должна быть сложной.

- Да, ребята... Вас с Карминым надо познакомить! Вы явно найдёте друг друга. Тот тоже любит усложнять до предела. Удивительная способность закопаться так, что потом самого себя не отыщешь! Ань, я уже говорил, ты – гений. Давай свой эскиз, я поговорю с мастерами. Но учти – инициатива наказуема! Я тебе всё обеспечу – финансы там, людей... Руководить будешь сама.

- Договорились! – У Легоцкой от энтузиазма даже уши порозовели.

Он смотрел на неё и не мог налюбоваться. Что-то есть в ней такое... Манкое. Сложно не влюбиться. Но сейчас, конечно, не время, и она явно дала это понять. Так или иначе, пригласить её в постановку – лучшее, что пришло ему в голову за последнее время. Легоцкая – настоящий бриллиант.

- Вот, - Антон сунул однокласснице в руки пачку исписанных листов. Во-первых, этот чудик не печатает, как все нормальные люди, а пишет от руки. Нет, я Карине дам, она, конечно, напечатает, но моему секретарю и без того есть чем заняться!

- А во-вторых? – Анна уже сунула нос в бумаги.

- А, во-вторых, он, видите ли, дописал к пьесе начало. Сотворение Вселенной. Не понимаю, зачем...

- Нет-нет, это интересно. И многое объясняет... Я возьму? На вечер?

- Да, конечно, бери. Но давай так... Обсудим. Прочти и поговорим. Я не хочу раздувать спектакль до предела. Усложнять и утяжелять его. Мы выражаем действие танцем, это значит, что оно должно быть простым. Простым и понятным.

- Согласна, но сначала я прочту. Ты обещал мне рассказать про этого Кармина. Говорил, он тебя вытащил?..

- Вытащил. Можно сказать спас. Наверно поэтому я и согласился поставить его пьесу.

- Из благодарности?

- Шутишь? Где я и где благодарность... Пьеса действительно понравилась, иначе я бы и пальцем не пошевелил, ты меня знаешь. Тут другое. Я просто... Почувствовал, что – надо. Понимаешь?

- Не совсем. Ты так и не сказал, что с тобой случилось. Что-то с финансами?

- Ха-ха-ха... С финансами... Ох... Ань, ты... Как ты живешь-то вообще на этом белом свете?

- В смысле?

- В смысле как ты умудряешься оставаться такой... Ладно, проехали. Пил я. И, наверное, допил бы, если бы не он. Кармин – психолог. Ведёт группы, работает индивидуально. Очень

недешёвый специалист, конечно, но... Профессионал. Как видишь, я вернулся в строй. И всей нашей творческой братии могу заявить смело, без обиняков – голову, господу, поцелованные всевышним, надо лечить! В обязательном порядке. Как простуду. Симптоматически – как в сезон гриппа, и профилактически - пару раз в год.

- Вот как... А я значит, слишком наивная – не догадалась.
- Ты – чудо. Таких, как ты больше не делают.
- Психолог написал пьесу? Надо же...
- Психиатр. Он вообще личность весьма занятная.
- Это видно, - Аня улыбнулась, демонстративно пряча рукопись в сумку.

Глава 7 продолжение

ИНКВИЗИТОР

Пролог к пьесе.

Автор: Игорь Кармин.

*Грамматон Цервентарна
(легенда о сотворении пяти колец)*

*Великий Дух магии Сегдун-Мрак, скитаясь по мирам, пустым и безжизненным, вздохнул:
- Скучно... Ах, как же скучно в этой бездонной пустоте! Вселенная полна галактик, галактики – звёзд, но что толку?*

- О чём печалишься, милый друг? – раздался в бескрайней бездне весёлый голосок саганы огня Мио-Лары. С её появлением сразу стало тепло, холодный свет звёзд заискрился оранжево-алым. – Устал от путешествий и ворчишь, что негде отдохнуть?

- Нет, милая Мио-Лара! Я устал не от путешествий, я устал от пустоты. Миров, созданные по моему желанию - пусты и не интересны.

- А чего бы ты хотел? Чтобы миры взрывались? Сталкивались друг с другом? – Она ударила в ладоши, и огненные шарики разлетелись в разные стороны.

- Они и так сталкиваются, рассыпаются и взрываются. Каждая планета рождает тысячи миров. - Сегдун-Мрак задумался, подбирая слово. – Мне бы хотелось, чтобы хотя бы одна из них была бы...

- Стабильна и неизменна? – голос сагана земли Тура-Альфы неожиданно вклинился в разговор двух духов.

- Приветствую тебя, о дух стойкости! – сагана Мио-Лара, рассыпавшись на миллионы мелких частиц, окутала духа блеском звёздной пыли. Миг – и она снова стала полупрозрачной оранжевой красавицей.

- Да, да! – радостно воскликнул Сегдун-Мрак. – Именно! Стабильная и неизменная.

- Но стабильность иногда утомляет, – саган воздуха Армин-Тор неожиданно подал голос (повелитель ветров, он был в курсе всего, что происходило в Великой Пустоте). – Всё должно двигаться. Стремительно! Взлетать вверх и падать вниз, – поймав осуждающий взгляд Великого Духа магии, он пояснил: - Беседы эхом раздаются по всей Вселенной, но редко услышишь нечто, стоящее внимания. Мне стало интересно.

- Тепло тоже утомляет, – задрожали в пространстве прозрачные капельки – это сагана воды, Миа-Бета, возникла среди подобных ей. Дух воды скользнула вокруг Мио-Лары, и та поёжилась. – У меня есть, что сказать тебе, о Великий Сегдун-Мрак! - образ саганы, словно пустой сосуд, то наполнялся голубоватым светом, то становился прозрачным, оставляя лишь контур цвета млечного пути.

- Я весь во внимании, милая. – Сегдун-Мрак был давно не равнодушен к Миа-Бете, и сейчас радовался счастливой возможности стать ближе.

- Я думаю, - голубоватый свет стыдливо замерцал во мраке, - лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. – Смех саганы напоминал журчание ручейка. – За мной, - и она, поймав всех ладошкой, полетела в сторону балджа спиральной галактики.

Саганы и Великий Дух магии поспешили за ней.

- Вот! Смотрите!

- На что?

- Как на что? На эту планету, – ткнула Миа-Бета пальчиком на голубой эллипсоид.

- И... что с ней не так?

- Ты скучал, Великий Дух магии? Так развлекись! – и смех саганы ручейком растворился во Вселенной.

- А сестрица права, – сагана Миа-Лара облетела планету несколько раз. – Вы только посмотрите! Планета омыта бездонными океанами, высокие горы рассыпаны по ней, словно ожерелье. Огонь спит в вулканах, а могучие ветра поют свои песни - нам всем есть, чем заняться! Нет только... - она посмотрела на Сегдун-Мрака.

- Магии? – прошептал Великий Дух, удивляясь, как много в созданной им же вселенной... сюрпризов.

- Ну? – Во тьме вновь замигали голубые искорки – вернулась Миа Бета. – Кто молодец? Я молодец! Развлекись, о Великий, могучий и грозный. Сотвори что-нибудь! Наполни эту планету магией – посмотрим, что будет с бесчисленными ею же порождёнными мирами. Сотвори людей, что будут поклоняться стихиям, веря в волшебную силу духов. Предлагаю просто взять и... бросить магию щедрой рукой – кому что достанется!

- Ну, нет! – недовольно протянул Тур-Альфа. – Магией должны обладать лишь избранные.

- Те, в чьём сердце горит огонь! – поддержала его сагана Миа-Лара

- Мне нравится эта идея, - задумчиво произнёс Сегдун-Мрак, - И вы... Правы. Мы распределим магию равномерно. Каждый из нас. Разбросаем её по земле, пусть отражается в параллельных мирах. Огонь в сердцах живущих станет их выбором. Магия либо отзовется на зов, либо... нет. Так мы решим проблему избранности, никого не обижая – ни людей, ни зверей, ни мифических существ, что живут в параллельных мирах. Кто вберёт в себя больше магии – там она и расцветёт.

- Каждый из нас дарует Земле артефакт, таящий в себе силу. Он сконцентрирует в себе магию стихии, – Миа-Лара дунула на ладонь, и во тьме яркой звёздочкой вспыхнуло кольцо. – Оно восхитительно, - улыбнулась сагана. – Куда же заключить магию? Начертить символы?

- В камни! – уверенно сказал саган земли Тур-Альфа. – Нет ничего прочнее камней.

- Булыжники? Низко и не эстетично, - дёрнула плечиком Миа-Бета. – Кольцо Миа-Лары не в пример лучше! Магия – это нечто прекрасное и утончённое...

- Зато камни – это стойкость и величие. Вечность! Магию в камне никто не сможет ни разрушить, ни победить, – не сдавался саган земли.

- Камни бывают разные, – Миа-Лара уже колдовала над кольцом. – Например, драгоценные камни! - перстень духа огня вспыхнул, и все увидели дивной красоты дымчатый топаз. В глубине самоцвета вспыхивали огненные искорки, словно кипящая лава в дыму просыпающегося вулкана. – Я назову тебя Раухтлорд, - улыбнулась Миа-Лара, любящая собственным твореньем. - Сегдун-Мрак наполнит тебя магией, я брошу тебя в вулкан, и ты прорастёшь с цветком папоротника. Пусть люди найдут тебя! – И Миа-Лара протянула кольцо Великому магу.

Тур-Альфа создал перстень Жутолорд с янтарно-золотым топазом и произнёс:

- Великий маг наделит тебя магией, и я отдам тебя Хуан-Луну.

- Это ещё кто? – Спросили сегуны, удивившись.

- Мой друг. Дракон. Драконы, летая, дружат с ветрами, моими верными слугами. В сердце дракона есть огонь – он вберёт в себя магию и сам решит, кто из людей достоин. Да будет так, - и Тур-Альфа отдал Жутолорд Великому магу.

Миа-Бета создала перстень с зелёным камнем.

- Я назову тебя Лартомир, - прошептала она и поцеловала сияющий топаз. – Отдам его океану – кто знает, быть может, его найдёт русалка?

Саган Армин-Тор преподнёс Великому магу перстень Плаволед с голубым крупным топазом. Он решил отдать своё творение...

Собрав перстни, Сегдун-Мрак торжественно произнёс:

- Теперь магия каждой стихии на этой планете заключена в пять артефактов. Я же сделаю так, - Великий Дух магии снял с пальца собственный перстень – Цервентарн, украшенный алым топазом, - чтобы связь пяти колец рождала Грамматон – карту миров и их отражений. Кольца сами вольны выбирать тех, кому они доверяют. Хранитель способен собрать копии каждого перстня воедино, ибо кольца будут существовать в отражении миров так же, как всё существует в них.

- У Хранителя появится власть, - задумчиво пробормотал Армин-Тор.

- Даруя магию, стоит быть готовым к тому, что будет происходить, - Великий маг засиял от удовольствия. – Теперь нам не будет скучно не одну тысячу лет... Да будет так! Да прибудет сила магии и сила стихий в этих перстнях!

- Да будет так! – Произнесли саганы и каждый из них поспешили к голубой планете, дабы свершилось задуманное.

Глава 7 продолжение

- Дзинь! Дззз-ииии-нь...

Анна с трудом оторвалась от текста, не сразу сообразив, что в дверь, оказывается, звонят. Всё это время она провела на диване, скрючившись в три погибели, читая и делая пометки в блокноте. Очнувшись, поняла, что замёрзла. Ноги затекли, чаю хочется...

- Кто там?

- Ань, это я.

- Дашка! – Легоцкая обрадовалась – будет с кем чаёвничать, да и отвлечься не помешает хотя бы на время. – Проходи, сейчас чайник поставлю.

- Вот, держи, - соседка протянула дивно пахнущий корицей пакет.

- Булочки! А как пахнут! Стоп. Даш, у тебя же аллергия...

- Какая аллергия?

- Как какая? На корицу. Я когда шарлотку пеку, никогда не кладу, чтоб тебя пригласить.

- Ну, вот. Сама на свой вопрос и ответила. Ты обо мне заботаешься, а я что – рыжая? Ты же любишь корицу?

- Очень! Так... У меня зефир есть. Будешь? И бутерброды с сыром.

- Пойдёт.

Они прошли на кухню и стали пить чай, болтая о том, как прошёл день. Анна рассказывала про спектакль. О пьесе и легенде о пяти магических артефактах. Пока рассказывала, уплетала булочки, а Дашка... Дашка слушала. Внимательно, не перебивая, чуть склонив голову, иногда грустно улыбаясь.

Ане стало стыдно. Она всё о себе, да о себе, а Дашка даже к зефиру вон не притронулась. Не сказала ни слова. И это Дашка – хохотушка, с которой обычно слова не вставишь, а уж холодильник раскритиковать она первая – мол, есть у Легоцкой всегда нечего, хоть соберайся и иди в магазин!

- Даш?

- Да? Ты рассказывай. Мне интересно.

- С тобой всё хорошо? Ты какая-то тихая. Случилось что?

- Нет, что ты. Просто всё это, - она кивнула на рукопись Кармина. – Всё это и правда очень интересно. Я думаю, ты права – легенду о кольцах непременно нужно вставить. С этого всё и началось когда-то.

- Тем более что это... Слушай, ну это же просто классика для балета! Духи стихий. Понятные, чёткие, и вместе с тем совершенно условные образы. Когда поставим спектакль, я приглашу тебя на премьеру. Будешь самым дорогим и почётным гостем. Придёшь?

- Обязательно. Можно вопрос?

- Конечно.

- Какое кольцо тебе нравится больше всего?

- Лартомир! С зелёным камнем, от сегуна воды, Миа-Лары, - тут же ответила Легоцкая.

Сказала, и сама себе удивилась. Надо же, выпалила, ни секунды не думая, как будто есть у неё с этим кольцом какая-то связь. И тут её осенило! Кольцо. То самое, что досталось в наследство Милане Драгович. То самое, которое хотели украсть, и которое она «нашла», как выражается Дашка «в том мире». Оно ведь тоже было с зелёным камнем. И выглядело как маленький женский перстенёк. Может, это ни о чем и не говорит, конечно... Может, ей просто нравится зелёный цвет?

- Вспомнила про кольцо? – Дашка улыбнулась – слишком явно читались мысли на лице соседки по лестничной площадке.

- Вспомнила, - не стала спорить Легоцкая.

- А давай ещё раз то кольцо поищем? Интересно же, что там с этой... Как её? Мила Драгович? Что там с ней произошло за это время?

- Думаешь, я туда опять попаду?

- Вот и проверим. Пойдём в комнату.

Анна немного растерялась, но Дашку уже было не остановить. Ничего не поделаешь, придётся согласиться. Подруга всё равно не отстанет, а про Сашу... Про Сашу она ей потом расскажет. Попросит отправить её в тот коридор. А сейчас – кольцо так кольцо.

Вот наша Даши. Как вам, дорогие читатели, такой эзотерик?

Глава 8

Тёмным осенним вечером отряд народной полиции в составе трёх человек двигался по Преображенской улице.

- Кажись, этот дом, - молодой матрос, осматривая фасад углового дома, смачно утер нос рукавом. - Ишь, баре-то живут!

- Не кажись. Кажется! – резко поправил комиссар.

- Так я это... по привычке...

- Отвыкай.

Комиссар Андрей Егорович Назаров сжал виски обеими руками. Голова закружилась, тело обмякло - он глубоко задышал, надеясь на свежий осенний воздух.

- Егорыч! Вот пять не пообедал, а? А я ж говорил, – укоризненно покачал головой солдат Матвеев.

- Сейчас, Илья Фомич, - Назаров моргал и тряс головой, досадуя на то, что напугал сослуживца. Немолодой, из бывших рабочих, добрый и отзывчивый, Матвеев нравился ему больше других. – Сейчас отпустит... Чёрт! Да что же это!?... – комиссар вздрогнул и стал медленно оседать на тротуар...

...Аня с удивлением осматривалась по сторонам. Санкт-Петербург?.. Центр. Вечер. Пожилой мужчина в шинели сочувственно заглядывая в глаза, трясёт за плечо:

- Егорыч! Егорыч! Ты... это... не дури...

И снова взгляд со стороны – как тогда, в больнице. Она сидит на тротуаре, прислонившись спиной к стене дома. Солдат... Молодой матрос с тревогой смотрит на неё... Нет... на него!

Уже почти привычно приходит память чужой, не своей жизни – в деталях, с подробностями. Она – Андрей Егорович Назаров, тридцати четырёх лет отроду, будучи студентом Петербургской академии наук (юридический факультет), примкнувший к революционерам ещё до февральской революции.

- Порядок, Фомич! Отставить панику. – Андрей медленно встал, придерживаемый за локоть Матвеевым.

- Вот вернёмся в штаб, обязательно поешь, а то изведёшь себя, – заботливо бормотал тот, словно денщик над барином.

- А вот мы сейчас у буржуев и поедем! У них, небось, и обед и ужин найдутся, а? Жируют, контры... - морячок поправил портупею.

- Отставить, Смоляков. – Андрей поморщился.

Назаров не любил подобных разговоров. Да, он верил в справедливость. Искренне радел за рабочий класс, но не терпел мародёрства и лишней, неоправданной, бесполезной жестокости.

Хорошим человеком был этот... комиссар. Анна улыбнулась. Ей было приятно, что она всё про себя... Про него. Понимает и чувствует. Если вспомнить Милену Драгович, то там всё было... Непросто. Осадок неразгаданной тайны той женщины мучил до сих пор.

- Да что такого я сказал, товарищ комиссар? – молодой матрос явно хотел дослужиться до высоких чинов – старался изо всех сил, это и раздражало. – Они же кровь народную пьют. Непроста ведь их арестовывают, а имущество в пользу революции кофиц... конфекц... тьфу!..

- Конфискуют, Смоляков. Кон-фис-ку-ют. Всё. Отставить разговоры. Заходим. – Назаров изо всех сил толкнул тяжёлую дубовую дверь, но та не поддавалась.

- Заперто, – подскочил к дверям Смоляков. - Это мы быстро... это мы сейчас, - он с силой заколотил кулаками в дверь. - Именем революции!

Дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина лет шестидесяти, с масляным светильником в руках.

- Что угодно господам?

- Господам угодно пройти в дом к статскому советнику Бельковскому. Вот ордер на обыск.

Предъявив бумаги, Назаров вошёл первым. Матвеев и Смоляков - за ним.

- Прошу, господа! – слуга покорно поднимался по лестнице, освещая путь.

- Нашёл господ! Тоже, наверно, контра... - ворчал матрос. – Товарищ комиссар! А можно я кухню осмотрю?

- Обсмотри! – бросил в сердцах Андрей, едва сдерживаясь.

- Слышь, папаша! Где тут у вас кухня?

- Сейчас проведу. Вот только до кабинета Александра Павловича дойдём...

- Матвеев, - слегка наклонился Назаров к Илье Фомичу. – Пойди с ним. Как бы он там... не перестарался.

- Хорошо, Егорыч. Не переживай. Прослежу.

Дверь кабинета распахнулась, и Андрей увидел Бельковского. Бледный. Спина прямая. Поверх брюк и белой рубашки – тёмно-зелёный бархатный архалук. Если бы не этот его уютный, домашний вид, можно было бы подумать, что старик готов выйти на расстрел. Назаров пробежал глазами по кабинету. Комната обставлена добротно, но без излишнего шика, не считая редчайших, дорогих книжных изданий – гордости личной библиотеки.

- Милиция к нам, - начал было слуга, но его бесцеремонно прервали:

- Сдавайся, контра! – Смоляков потянулся к висевшему на поясе нагану.

- Отставить! – Андрей сморщился от боли, приложив руки к вискам. – На кухню хотел? Так ступай. Проводи его, старик.

Слуга с опаской посмотрел сначала на человека в кожаной куртке, потом перевёл испуганный взгляд на своего господина.

- Делай, что велят, – кивнул Бельковский, сдерживая волнение.

Стоило Матвееву и Смолякову выйти из кабинета, статский советник обратился к Андрею.

- Судя по всему, Вы тут - главный.

Назаров кивнул.

- Как я могу к Вам обращаться?

- Товарищ Назаров, – сказал Андрей, замявшись - Бельковский ему в отцы годится.

- Я Вас очень прошу, товарищ Назаров, - торопливо заговорил тот. - Нет, не прошу... умоляю... Хотите, на колени встану?..

Комиссар хотел что-то сказать, но взгляд его утонул в огромном, потемневшем от времени зеркале на противоположной от входа стене. Он смотрел на собственное отражение. Высокий, худощавый мужчина в кирзовых сапогах. Голубые глаза. Если бы не весь этот пролетарский антураж - кожаная, подпоясанная португеей тужурка, кобура на боку, то он вполне хорош собой. Аристократическая бледность, тёмно-каштановая волна волос. Ни дать, ни взять Вронский, покоритель женских сердец! Вот только в той известной мировой классике истории как-то не весело всё сложилось, хотелось бы избежать трагических концовок.

Анна задержала дыхание – помогало хотя бы на время вспомнить «себя». С каждым визитом в «иной мир», у неё появлялся новый опыт выживания. И всё же быть мужчиной, это так... странно...

«Как надену португею – так тупею и тупею...», - вспомнилось некстати.

- Изыди, ирод! – послышался внизу женский крик. - Отпусти её! Отпусти, говорю!

Бельковский побледнел так, что у Андрея появилось желание поддержать советника за локоть, чтоб тот не лишился чувств, но он сдержался, вспомнив, зачем они здесь.

- Товарищ комиссар! Товарищ комиссар!

Молодой матрос с винтовкой на плече тянул за руку упирающуюся девушку, дородная же кухарка неслась следом, щедро охаживая представителя пролетариата мокрым полотенцем по бокам. Сзади виновато семенил Матвеев, стараясь не смотреть на товарища Назарова – понимал, что комиссару его всё это ох как не понравится...

- Вот! На кухне пряталась! Вражина. У, дворянское отродье! – замахнулся Смоляков прикладом винтовки на девушку.

- Отставить! – рассвирепел Назаров. Приступы головной боли измотали его совершенно.

- Так... это... буржуйка ведь... вражина, - обиженно надулся матрос.

- Почему ты так решил? – Андрей посмотрел сначала на матроса, затем на насмерть перепуганную девицу. - Вы работаете на кухне? Отвечайте честно и чётко. В ваших же интересах.

- Кухарка она, как есть кухарка, Ваше благородие, – закивала головой полная женщина, перестав хлестать полотенцем Смолякова и совершенно не заметив, как тот поморщился на «ваше благородие». Вместо этого она принялась с чувством отцеплять хищные пальцы «товарища», коршуном вцепившиеся в предплечье юной хрупкой девушки. – Помощница она моя! Где картошку почистить, где чашку ополоснуть, - тараторила служанка, то и дело сдувая влажную прядку с раскрасневшегося лица.

- А чего пряталась, ежели кухарка? – матрос недоверчиво покосился на девушку.

- Испугалась она, Ваше благородие, - кухарка бросилась к Назарову, ища защиты. - Увидела вот этих... - женщина кивнула на Смолякова и Матвеева. - С ружом, морды красные! Я и та испугалась, а меня нахрапом не возьмёшь, я ж...

Она осеклась, и Андрей, глядя на неё, невольно улыбнулся. Платок, рукава закатаны, передник в пятнах - то ли соус, то ли жир. Сразу видно – кухарка, чего не скажешь о девушке. Платье хоть и скромное, но передника нет, а руки... Эти руки не работали на кухне, сразу видно.

И тут его осенило... Он медленно перевёл взгляд со статского советника на девушку. Бельковский ухватился за край стола до побелевших костяшек, девушка сжала губы. Огромные, серые глаза её полыхали ненавистью и гневом.

- Девушка в услужении у меня не так давно, - отмер Бельковский. – Робкая. Послушная. Дома у нас тихо, гости – редкость, а уж столько мужчин с оружием... Сами понимаете.

- Вы испугались? Отвечайте на вопрос, – Назаров постарался предать голосу вежливую холодность.

Девушка кивнула, не сводя глаз с Бельковского.

- Ваше имя, гражданка? – обратился Андрей к старшей кухарке.

- Так это... Настасья я.

- Гражданка Анастасия. Дом хозяйский знаете?

Та, совершенно опешив, кивнула.

- Покажете товарищам комнаты. Будем проводить обыск, согласно предписанию. Ценности - под опись. Вы - свидетель, гражданка Анастасия. Мне доложить подробно, по всей строгости, - комиссар, понизив голос, развернулся к матросу.

Настасья растеряно смотрела на хозяина дома, Александра Павловича.

- Ступай, - кивнул тот. - Покажи. Может, господа чаю изволят, так налей.

Услышав про чай, Смоляков обрадовался:

- Позволишь, Андрей Егорыч, чайку?

Андрей кивнул. Ему хотелось поскорее избавиться от лишних ушей и узнать, наконец, из-за чего это статский советник готов был встать перед ним на колени. Правда, он уже догадывался.

- Слышала, что хозяин сказал? Чаем нас напоить, - Смоляков, напустив на себя грозный вид, вцепился в винтовку (видимо, вспомнил, как больно мокрое полотенце хлестало по бокам).

- Говорите, – Андрей посмотрел на мужчину.

Мужчина рухнул перед начальником патруля на колени:

– Дочь она моя... Единственная. Меня - хоть сейчас к стенке, только дайте ей уйти, она ведь ни в чём не виновата. Отдам всё, что хотите...

- Встаньте! – в сердцах сказал Андрей, поднимая Бельковского. - Встаньте, наконец!

- Куда же я уйду, папенька?

- Беги, дочь. Беги! К Аглае Михайловне, сестре моей, в псковскую губернию.

- Как же она туда доберётся, - пробормотал Назаров, понимая, что времени у них нет – действовать надо быстро. - Как вас зовут?

- Александра...

- Александра, ступайте к себе. Возьмите только самое необходимое и тотчас возвращайтесь. Быстро, не привлекая лишнего внимания. Вам ясно?

- Вы... поможете? – спросил Бельковский, не веря до конца, что им с дочерью повезло, и они нашли сочувствие в лице этого молодого человека.

- Поторопитесь, - бросил Андрей, глядя советнику в глаза.

- Возьмите, - советник, словно фокусник, выудил из воздуха массивный перстень с зелёным камнем и протянул Назарову.

- Это... изумруд? – Андрей от неожиданности не нашёлся, что ещё сказать.

- Топаз. Очень редкий. Семейная реликвия. В нашей семье верили, что кольцо оберегает род Бельковских. Надеюсь, поможет и сейчас. Возьмите. За спасение дочери.

Андрей против воли всматривался в камень. Искрящийся зелёный омут засасывал внутрь – глубже, глубже, глубж...

- Лестоцкая! Лестоцкая, очнись! – быстрый, хлёсткий шлепок пощёчины.

Анна уставилась на свою ожидаемо пустую раскрытую ладонь, всё ещё чувствуя приятную тяжесть перстня.

- Дашка?

- Прости. Прости, что ударила, ты иначе никак в себя не приходила. Всё хорошо? Голова не кружится?

- Кажется, нет...

Глава 8 продолжение

Крики беснующейся толпы на площади. Звериные гримасы искажённых злорадством лиц. Он не первый раз присутствовал на сожжении ведьмы, и каждый раз внутри появлялось это чувство - непростительного осквернения веры чёрным ритуалом.

Дьявол глумится именем Создателя, ибо недостойно души человеческой то, что должно произойти. Зверь раздирает себе подобного лишь ради выживания племени, и делает он это быстро. Единственное существо, испытывающее экстаз от осознания мук и боли ближнего своего – человек. И не всевышний пускает яд в душу, созданную по образу и подобию ЕГО, но дьявол, Князь тьмы, враг и противник света и милосердия...

Но толпу не остановить. Голодная, жаждущая зрелищ, она пришла сюда с одной единственной целью – насладиться мнимой свободой. Сегодня сожгут другого. И пока разрывают на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.